глашая къ себѣ. Убѣдившись въ безопасности своей больной, Остапъ пришелъ самъ пѣшкомъ въ Коленовецъ. Приходъ его разстроилъ отца и мать; но когда дочь, несовсѣмъ опасно больная, выздоровѣла, тогда они хотѣли наградить его по-барски, но онъ не принялъ денегъ.

— Въ деньгахъ я не нуждаюсь, — отвѣчалъ онъ пану,—а если мнѣ что понадобится для дома, то я пришлю попросить у пана.

Это непривычное обхожденіе, противное всякимъ приличіямъ, очень удивило пана Суздальскаго, ревностнаго блюстителя приличій и формъ.

Однако, Остапъ и въ другой разъ былъ приглашенъ къ самой панни, а потомъ къ пану, который страдалъ печенью, особенно когда ему не удавались спекуляціи. Сколько разъ Остапъ не былъ въ Калиновцахъ—онъ никогда ничего не бралъ, всегда поступая довольно гордо.

Не безъ надежды, но и не безъ страха входилъ Бондарчукъ во дворъ. У воротъ сказали ему, что ясновельможный панъ находится во флигелѣ, на экономическомъ засѣданіи. Остапъ отправился туда и сталъ въ передней ожидать окончанія этого засѣданія. О немъ хотѣли сейчасъ-же доложить пану, но Остапъ не согласился на это. Засѣданіе скоро кончилось и ясновельможный панъ явился.

Онъ принялъ Остапа довольно учтиво, но не скрывая удивленія, которое произвелъ въ немъ такой неожиданный визитъ.

Лѣкарь, привѣтствуя его, шепнулъ ему, что хочетъ видѣться съ паномъ-презусомъ (такъ величали его обыкновенно) наединѣ. Суздальскій, смѣшавшись, попросилъ его войти въ избу, въ которой, за минуту предъ этимъ, было засѣданіе.

Нахмуренное лицо выражало внутреннее безпокойство ясновельможнаго пана, который начиналъ уже мысленно вычислять, сколько за всѣ незаплаченные визиты можетъ потребовать лѣкарь; и сколько слѣдуетъ дать ему, для соблюденія приличнаго тона.

Бондарчукъ сказалъ ему:

— Я служилъ пану, когда могъ, теперь имѣю просьбу къ нему.

— Отъ всего сердца удовлетворю пана. Что прикажете?

Это было выговорено съ видимымъ страхомъ и безпокойствомъ

— Я пришелъ съ странною просьбою.

— Съ странною?—говорилъ панъ.—Признаюсь, я думалъ...

Остапъ не далъ ему договорить и прервалъ его:

— Прошу васъ не подозрѣвать, что я пришелъ напомнить вамъ о давно предлагаемой и отвергнутой мною наградѣ за нѣсколько минутъ, посвященныхъ мною вашему семейству; нѣтъ, дѣло не касается денегъ.

— Не о деньгахъ! Слава Богу,—подумалъ панъ Суздальскій, ободрясь.—Но о чемъ-же это? Что-же это такое?

— Пусть панъ сядетъ и позволитъ мнѣ тоже сѣсть. Пройдя много, я чувствую усталость. Теперь скажу пану искренно и откровенно, кто я, и чего желаю.

Остапъ коротко разсказалъ ему часть своей жизни. Узнавъ, что онъ говорилъ съ простымъ мужикомъ, что мужикъ дотрогивался до рукъ его, жены и дочери, панъ вскочилъ съ кресла, вспыхнулъ, но, удерживая себя въ границахъ приличія, ничего не сказалъ грубаго.

Остапъ, увидавъ произведенное имъ на него впечатлѣніе, притворился, что будто-бы и не замѣчаетъ его, и продолжалъ далѣе, не вставая:

— Чтобы не быть безполезнымъ въ обществѣ, я выхлопоталъ себѣ вольную и дослужился дворянства, бывъ военнымъ докторомъ.

При выраженіи: «дослужился дворянства», панъ незамѣтно улыбнулся, пожалъ плечами, но старался какъ можно скорѣе скрыть свою улыбку и спросилъ:

— Но въ чемъ-же я пану могу содѣйствовать?

— Дѣло весьма для пана ничтожное, я хочу жениться на одной изъ панскихъ подданныхъ; рѣчь идетъ объ отпускѣ ея на волю, по позволенію пана.

Суздальскій какъ-бы одурѣлъ на минуту, не понимая, чтобы человѣкъ, вышедшій изъ крестьянскаго состоянія, захотѣлъ снова съ нимъ сблизиться.

— Какъ это! Вы не шутите?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—возразилъ Остапъ.—Если это можетъ причинить пану убытокъ, то я прошу его принять отъ меня плату за нее и за ея родителей, которыхъ очень желаю выкупить.

Владѣлецъ, казалось, былъ страшно озабоченъ: съ одной стороны, въ немъ заговорило барство его, съ другой—алчность, съ третьей—гордость, но всѣхъ тише говорила ему его покорная совѣсть.

— Какъ это, панъ?—спросилъ Суздальскій;—вы хотите заплатить за нихъ?

— Если панъ этого желаетъ,—сказалъ Остапъ.

— Но что-же это за дѣвушка?—спросилъ владѣлецъ съ любопытствомъ.

— Марина, дочь Кузьмы изъ Мышковецъ.

— Марина Кузьминишна! А! Знаю,—сказалъ панъ.—Это, кажется, самая красивая дѣвушка изъ всей деревни. Не дурной выборъ! Но въ ту хату нужно-бы было пріемыша, потому что хата придетъ въ упадокъ.

— Я предлагаю вознаградить потерю; она точно упадетъ.

— Но,—началъ опять Суздальскій, забывая о своемъ барствѣ,—тутъ вѣдь нѣтъ никакого разсчета. Считая по три дня мужской барщины, исключая другія обязанности, мы получимъ уже сто слишкомъ дней, полагая самое малое по злотому.

— Земля останется пану.

Панъ-презусъ немного смутился, задумался и уже готовъ былъ отвѣтить по-барски, но вспомнилъ, что въ Мышковцахъ очень мало работниковъ, и наивно воскликнулъ:

— Уменьшеніе и одной хаты будетъ замѣтно.

— Можно все разсчесть, попробуемъ,—сказалъ Остапъ.

Панъ почувствовалъ что-то похожее на стыдъ и отозвался, принужденно улыбаясь:

— Зачѣмъ панъ хочетъ жениться непремѣнно на крестьянкѣ.

— Сдѣлайте мнѣ милость, панъ, не спрашивайте ни о чемъ. Кому будетъ убытокъ отъ того, что я куплю себѣ жену? Прошу пана сдѣлать условіе.

— Слѣдовательно, панъ заплатитъ?

— Я готовъ и принесъ съ собою деньги.

— Но вѣдь немало слѣдуетъ!—сказалъ владѣлецъ, смотря Остапу въ глаза.

— Я готовъ и немало заплатить.

— Гмъ! гмъ! Но развѣ панъ влюбился?

Остапъ горестно вздохнулъ, и пану показалось, что онъ угадалъ. Панъ пожалъ плечами и подумалъ: вотъ-бы стянулъ-то съ него, если-бъ не было совѣстно! Но нѣтъ, это будетъ неприлично. Хоть и мужикъ, но все-таки такимъ образомъ поступать не должно; онъ вѣдь даромъ лѣчитъ. Онъ снова поколебался, и жадность внушила ему вопросъ:

— А что-же бы панъ далъ за этихъ людей?

— Сколько панъ назначитъ?

— Ну, если-бы рублей тысячу, гмъ?—И онъ снова разсмѣялся, смотря Остапу въ глаза.

— Я думалъ, что панъ потребуетъ не менѣе двухъ или трехъ тысячъ, включая тутъ и отпускную родителей моей Марины,—сказалъ Бондарчукъ, и готовился заплатить.

— Что? Дать три тысячи рублей за нихъ!—воскликнулъ панъ-презусъ, всплеснувъ руками.

— И мнѣ не показалось-бы дорого, — отвѣчалъ холодно Остапъ;—мы иногда платили за арабскую лошадь по нѣскольку тысячъ дукатовъ, почему-же подольская дѣвушка не стоитъ, по крайней мѣрѣ, тысячи?

— Какъ? Панъ даже имѣетъ съ собою готовыя деньги?

— Вотъ они,—сказалъ Остапъ, вынимая пачки ассигнацій, и началъ считать ихъ.—Видишь, панъ, я плачу сейчасъ-же, а панъ-презусъ тоже, не раздѣваясь, дастъ имъ всѣмъ отпускную, не правда-ли?

При видѣ денегъ панъ смутился. Взять плату за человѣка стыдно и неприлично; не взять и лишиться людей—большой ущербъ состоянію; притомъ онъ отчасти обязанъ лѣкарю... Что тутъ дѣлать?

— Но въ Мышковцахъ такъ мало народонаселенія, — повторилъ, задумавшись, презусъ.

— Слѣдовательно, поэтому, надо дороже заплатить?

— Видишь, панъ, я продавать однихъ людей не могу, даже и не имѣю права.

— Отпустите ихъ только на волю; законъ не запрещаетъ этого пану, напротивъ, еще поощряетъ къ тому.

— За деньги?

— Это зависитъ отъ воли пана.

— А панъ заплатилъ-бы?—снова спросилъ владѣлецъ.

— Не только заплатилъ-бы, но плачу! Много-ли слѣдуетъ?—спросилъ Остапъ, считая вторично деньги.

— Конечно,—сказалъ панъ, — потеря для меня невелика, но ощутительна: семья, хотя и небольшая, но все-таки на барщинѣ постоянно работаетъ; мнѣ остается земля, но что-же я съ нею буду дѣлать? Земли у меня съ избыткомъ; продать однихъ людей,—это будетъ предметомъ смѣха.

— Даю пану слово, что дѣло это останется между нами. Прошу пана дать имъ только отпускную и ничего болѣе.

— А панъ никому не разскажетъ, что заплатилъ мнѣ за нихъ?

— Никому, даже имъ самимъ,—возразилъ Бондарчукъ,—потому, что скажу пану откровенно, не хотѣлъ-бы унизить людей въ глазахъ ихъ ближнихъ.

Презусъ не понялъ словъ лѣкаря и, предавшись совершенно мысли о полученіи денегъ, не спускалъ глазъ съ пачки ассигнацій.

— Какъ-бы это уладить?—добавилъ онъ тихо.

— Я пану заплачу глазъ-на-глазъ, никто не узнаетъ, никто не увидитъ. Панъ-презусъ поѣдетъ со мною до уѣзднаго городка и добровольно дастъ отпускную всей семьѣ.

— Три души?

— Но мужская только одна — старый Кузьма; двѣ женщины не считаются. И тысячу рублей.

— Мало.

— Полторы? Довольно? Нѣтъ? Двѣ? Мало? Три? Наконецъ отдамъ, что имѣю—и кончимъ.

Панъ вдругъ что-то припомнилъ, задумался и сказалъ смѣясь, но глядя постоянно на ассигнаціи:

— Я пошутилъ! Я пошутилъ!

Онъ отошелъ отъ столика, повернулся къ нему, подошелъ еще и, наконецъ, собравшись съ силами и принявъ важный видъ, воскликнулъ:

— Я пану обязанъ; ты желаешь непремѣнно, чтобы я выдалъ вольную этимъ людямъ; я отпускаю ихъ, но денегъ взять не могу. Что, панъ, скажешь на это?

Онъ думалъ, что Остапъ, по крайней мѣрѣ, бросится ему въ ноги; но онъ склонилъ голову, поблагодарилъ только молчаніемъ и потомъ добавилъ:

— Я пану обязанъ на всю жизнь.

Суздальскій сдѣлалъ гримасу, какъ-бы желая сказать: только!—но уже не отступилъ.

— Всѣ расходы, — сказалъ онъ, — т. е. бумага, просьба, земскія подати и тому подобное, панъ приметъ на свой счетъ. Завтра буду въ уѣздномъ городѣ и покончимъ.

Остапъ удалился съ грустнымъ чувствомъ, вызваннымъ всею этою сценою; онъ не могъ осудить папа, потому что не имѣлъ на это причины, но не могъ и не жалѣть бѣднаго пана, который дѣлалъ болѣе для свѣта, чѣмъ для собственной совѣсти.

Кузьма узналъ отъ Остапа о вольной съ радостью, смѣшанною съ горемъ, потому что слѣдовало разстаться съ старою, дѣдовскою хатою, съ полемъ, на которомъ привыкъ работать, со всѣми и со всѣмъ, къ чему онъ привыкъ съ младенчества.

Возвращаясь отъ него, Остапъ на дорогѣ повстрѣчался съ жидовскою брикою. При видѣ Бондарчука, сидѣвшій въ ней старый жидъ приказалъ остановить лошадей и привѣтствовалъ лѣкаря съ уваженіемъ и почти со слезами.

Остапъ не могъ его узнать.

— Сколько вы, панъ, сдѣлали добра на свѣтѣ,—сказалъ старикъ чистымъ польскимъ нарѣчіемъ,—сколько людей благословляютъ васъ! Вы забываете даже о тѣхъ, которые вамъ всѣмъ обязаны.

— Благодарю васъ за ваше доброе привѣтствіе, но, право!...

— Я не сержусь, я только удивляюсь. Вы можете забывать, но не мы.

— Но откуда-же вы?

— Изъ Бердичева. Развѣ панъ не помнитъ Герцика? Ай! ай! А помнишь, панъ, когда ты пріѣзжалъ на ярмарку въ Петровъ день, а у меня Ицко, мой единственный сынъ, былъ при смерти боленъ, такъ что и доктора отказались. Какая-то честная душа сказала мнѣ: есть тутъ великій медикъ, который лѣчитъ травами; я попросилъ пана къ себѣ, панъ пришелъ и сидѣлъ день и ночь при больномъ Ицкѣ, пока совершенно его не вылѣчилъ. Панъ думаетъ, что мы это забыли? Мы давали пану тысячу рублей, панъ не взялъ ихъ отъ насъ! Развѣ это можно забыть?

Остапъ слегка улыбнулся.

— Почему-же ты, панъ, смѣешься? Ай! Ай! Богъ свидѣтель, что вы, паны, не знаете жидовъ. И жидъ имѣетъ сердце, а что онъ любитъ гроши, такъ вѣдь безъ нихъ онъ ни къ чему не былъ-бы годенъ.

— Что-же ты тутъ дѣлаешь, панъ Герцикъ?

— Что дѣлаю? Нарочно ѣхалъ къ вамъ съ поклономъ; былъ недалеко здѣсь по дѣламъ. Уже, по милости вашей, Богъ утѣшилъ меня и послалъ Ицкѣ двухъ дѣтей; и дѣла хорошо идутъ. Мнѣ хотѣлось видѣться съ паномъ и поблагодарить.

— Ѣдемъ ко мнѣ, панъ Герцикъ, я буду сопровождать тебя верхомъ, потому что иначе не могу.

— А со мною, панъ, развѣ не усядешься? Лошадь мы можемъ припречь къ моимъ, если она тиха.

— Ну, хорошо! — сказалъ Остапъ и усѣлся рядомъ съ жидомъ.

По пріѣздѣ на хуторъ, Остапу пришла вдругъ мысль, не можетъ-ли помочь ему богатый еврей? Онъ открылъ ему отчасти свое положеніе и просилъ дать ему совѣтъ.

Герцикъ, въ нѣсколько часовъ, пересмотрѣлъ бумаги, реестры, документы и счеты долговъ, передалъ Остапу ходъ дѣлъ въ такомъ порядкѣ и съ такою точностью, какъ будто-бы онъ уже нѣсколько лѣтъ занимался ими. Остапъ удивился.

— Что-же тутъ особеннаго,—сказалъ жидъ,—я на этомъ зубы съѣлъ! Панъ думаетъ, что у насъ только торговля. Нѣтъ! У насъ въ торговлѣ родятся и процессы, и разные интересы: надобно и законъ знать. Я уже не одного пана разсчелъ и не съ однимъ въ судъ ходилъ, это мнѣ не-впервые. Вотъ,—продолжалъ онъ далѣе,—списокъ долговъ, это также состояніе. Дѣла пана графа дурны; но ему можно помочь, и ты вѣдь, панъ, съ головою. Нужны только деньги, но графу я далъ-бы ихъ, только за большіе проценты и при хорошемъ залогѣ; я пану дамъ письменное обязательство Галперема, которое со мною.

— Но помилуй!—воскликнулъ Остапъ.

— Чего-же ты пугаешься, когда я не боюсь? Я даю пану потому, что кредиторы, увидя деньги, будутъ просить, чтобы

ихъ не удовлетворяли. Ты выиграешь, панъ, время, а это много; дай-ка мнѣ, панъ, еще прожить сто лѣтъ, я Бердичевъ куплю. А если-бы эти деньги и разошлись, то, навѣрно, найдется еще, чѣмъ заплатить. Я буду терпѣливъ и не возьму ничего отъ пана, кромѣ простой росписки. Уже я вижу по счетамъ, по титлу этого пана, каковъ онъ: у такихъ пановъ всегда наберется куча рухляди, серебра, разныхъ бездѣлицъ, которыя стоятъ денегъ и которыя не слѣдуетъ кидать. Продай все это, панъ, когда кредиторы захотятъ покупать съ публичнаго торга; лучше обратить въ деньги то, что ни на что негодно и лежитъ безъ процента.

Послѣ этого жидъ, оставивъ почти насильно вексель и записку, уѣхалъ изъ хутора.

Эта неожиданная помощь дала возможность Остапу спасти состояніе графа гораздо скорѣе, чѣмъ онъ могъ-бы это сдѣлать самъ по себѣ.

Когда все уже было готово, Остапъ просилъ ксендза немедленно приступить къ обряду вѣнчанья.

Марина то видѣла въ этой поспѣшности привязанность и счастливо улыбалась своему нареченному, то сомнѣвалась, предугадывая, что у него въ сердцѣ ничего для нея не было.

Положеніе Остапа также было мучительно: красивая подольская дѣвушка, похожая на прекрасное растеніе, цвѣтущее на роскошныхъ поляхъ, вѣшалась ему съ своимъ чувствомъ на шею, вызывала съ устъ его трудное признаніе, требовала чувства, не существовавшаго у Остапа, а оттолкнуть ее онъ не имѣлъ силъ.

Предъ свадьбою безпокойство Остапа еще болѣе увеличилось.

Онъ со всѣхъ сторонъ разбиралъ свой поступокъ, но отступить уже казалось ему поздно.

Свадебный обрядъ совершился въ Мышковецкой церкви, предъ толпою любопытныхъ, и молодые на простой телѣгѣ поѣхали на Бондарчуковъ хуторъ. Сюда собралась куча народу; любопытные пріятели, праздные, благодарные, всѣ явились, принося Остапу или подарокъ, по давнему обычаю, или хорошее и искреннее желаніе счастья. Всѣхъ надобно принять, угостить и словомъ, и хлѣбомъ. Уже наступалъ вечеръ, и къ отъѣзду все уже было готово, а Остапъ не могъ еще вырвать-

ся отъ гостей; Марина слѣдила за нимъ пылкимъ, внимательнымъ и безпокойнымъ взглядомъ.

Отозвавъ въ сторону Кузьму, который былъ уже немного навеселѣ, онъ началъ, прощаясь, толковать ему о своемъ отъѣздѣ. Старый слушалъ и не понималъ, для чего такъ торопили свадьбой, когда молодой, не поживъ и двухъ дней съ женою, едва вставъ изъ-за стола, уѣзжалъ уже, точно, какъ будто кто выгонялъ его.

— Но это такъ должно быть,—сказалъ строго Остапъ.—Я еще прежде объ этомъ говорилъ вамъ.—Я долженъ ѣхать, а вы живите здѣсь съ Мариной и смотрите за моимъ и вашимъ добромъ; я возвращусь.

— И что-же, вы въ самомъ дѣлѣ думаете ѣхать, не дождавшись завтрашняго дня?—Нѣтъ...

— Лошадь готова.

— И не проститесь съ паномъ?—спросилъ старый, качая головою.

— Несчастіе!—ломая руки, повторяла старая.

— Вызовите-же Марину,—сказалъ Остапъ.

На знакъ мужа, никѣмъ незамѣченная, вышла она изъ толпы и прибѣжала къ нему, положивъ ему руки на плечо и складывая ихъ, какъ у креста.

— Ну,—сказалъ Остапъ,—я хочу съ тобою проститься.

— Проститься?—спросила она недовѣрчиво.

— Развѣ ты не знаешь, что я уѣзжаю?

— Да, ты мнѣ говорилъ, что завтра или когда-то.

Сегодня.

— Какъ сегодня?

— Сейчасъ.

— Сейчасъ?

— Помни, Марина, что ты мнѣ присягнула, и я буду помнить, что присягнулъ тебѣ; жди меня, я возвращусь.

Ничего не отвѣчая, молодая стояла предъ нимъ, вперивъ въ него взоръ, нѣмая, грустная, почти безъ памяти; въ головѣ ея все перевернулось, а въ глазахъ блистали слезы.

— Я скоро возвращусь,—сказалъ Остапъ.

И не успѣлъ онъ еще окончить этихъ словъ, какъ уже Марина, съ горькимъ плачемъ, бросилась къ нему на шею и

такъ сильно обхватила его руками, что Остапъ не могъ вырваться, затрясся и остался въ ея объятіяхъ.

— Не плачь, дитя мое,—сказалъ онъ тихо,—ты вѣдь знала, что я долженъ ѣхать; я уже приготовлялъ тебя къ этому; о чемъ же ты плачешь? Я возвращусь, и мы будемъ жить вмѣстѣ, уже не разставаясь.

Но Марина не слушала его увѣщаній, повиснувъ у него на шеѣ, плакала и кричала:

— Я тебя не пущу, я не пущу тебя.

— Успокойся, прошу тебя, успокойся.

— Какъ же я могу успокоиться? Мнѣ жаль тебя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, горько и стыдно; на меня будутъ всѣ пальцами показывать, скажутъ: вотъ та, которую мужъ въ первый-же день бросилъ.

— Пусть люди говорятъ, что хотятъ, Марина; мнѣ нужно ѣхать, и я поѣду. Что людямъ до насъ за дѣло?

— Тебѣ хорошо говорить,—возразила Марина,—тебѣ вотъ не жаль меня и не стыдно; тебѣ все равно, а мнѣ, дождавшись счастія.... Нѣтъ, нѣтъ, я не пущу тебя!

— Ради Бога, заклинаю тебя, успокойся, перестань, моя милая Марина. Я возвращусь, и мы будемъ жить здѣсь до конца дней нашихъ.

Видя упрямство мужа, она опустила руки и упала на землю, рыдая. Напрасно старался Остапъ утѣшить ее и успокоить. На плачъ ея прибѣжали отецъ и мать; но никто не могъ уговорить ее. Съ стѣсненнымъ сердцемъ сѣлъ Бондарчукъ на лошадь, оставивъ жену еще плачущею у креста въ домикѣ.

Альфредъ оставилъ свои дѣла въ самомъ жалкомъ положеніи. Множество должниковъ, изъ которыхъ самый главный и озлобленный, Цемерка, съ ожесточеніемъ ожидали продажи его имущества. Кромѣ того, осталось множество самыхъ непріятныхъ процессовъ. Крѣпостные люди всѣ были ожесточены и разграблены безнаказаннымъ своеволіемъ управляющихъ.

При такихъ грустныхъ обстоятельствахъ привелось Остапу принять подъ свою опеку жену и ребенка Альфреда и управленіе надъ разореннымъ имѣніемъ. Онъ зналъ отчасти, что дѣлалось въ Скалѣ, но только на мѣстѣ увѣрился въ приня-

тыхъ на себя трудныхъ обязанностяхъ. Онъ ѣхалъ съ сильной рѣшимостью сдѣлать все возможное для спасенія любимыхъ имъ существъ; везъ съ собой вексель Герцика, все, что самъ пріобрѣлъ въ продолженіе своей жизни, и, наконецъ, свою готовность къ труду и пожертвованіямъ. Но когда приблизился онъ къ Скалѣ, когда показался ему домъ, въ которомъ жила Михалина, когда онъ подумалъ, что она ждетъ его, то онъ невольно затрепеталъ и лишился присутствія духа. Напрасно старался онъ придать себѣ бодрости и удалить докучливыя мысли; ослабѣвъ отъ борьбы, онъ долженъ былъ остановиться, не доѣзжая до помѣстья, чтобы справиться съ своими силами.

Былъ уже вечеръ, когда Остапъ, принявъ на себя глупую и холодную наружность, одѣтый небрежно, послѣ сильной внутренней борьбы, подошелъ къ воротамъ господскаго дома.

Кромѣ обуревавшаго его чувства, онъ еще сильно былъ пораженъ видомъ разоренія и опустошенія несчастныхъ крестьянъ.

Сердце у Остапа болѣзненно сжалось, когда онъ вошелъ въ домъ. Онъ долго ждалъ въ прихожей, потомъ въ нечистой и невыметенной залѣ, прежде чѣмъ отважился идти далѣе, наконецъ, увидавшая его дѣвушка доложила о немъ Михалинѣ, и она приказала просить его къ себѣ. Она сидѣла въ отдѣльной спальнѣ, у дѣтской колыбели. Какъ измѣнилась она! Только станъ ея, стройный и гибкій, напоминалъ ея прежнюю красоту; только прозрачная бѣлизна украшала ея лицо. Въ черномъ платьѣ, съ открытой головой, сидѣла она у колыбели и смотрѣла въ окно на садъ.

Прибытіе Остапа, о которомъ она знала, не взволновало ее, не измѣнило выраженія ея лица, не вызвало даже минутнаго румянца. Когда она услыхала его шаги, то взглянула на спящее дитя и потомъ посмотрѣла на входящаго.

Остапъ, съ грубымъ видомъ, вошелъ въ комнату. Видно было, что Михалина удивилась, увидавъ его совершенно другимъ, чѣмъ ожидала. Не произнося ни слова, она указала ему на кресло. Остапъ сѣлъ.

— Какъ давно,—сказала она прерывающимся голосомъ,— какъ давно уже не видались мы! Цѣлый вѣкъ, кажется, прошелъ.

— Давно, очень давно,—повторилъ Остапъ. Голосъ и слова его были такъ странны, что Михалина, взглянувъ на него, сказала:

— Вы застали меня вдовою, а дитя мое сиротою. Несчастный Альфредъ долженъ былъ покинуть насъ однихъ въ бѣдномъ и ужасномъ положеніи. По обязанности жены и матери, я хотѣла сейчасъ-же по отъѣздѣ Альфреда заглянуть въ наши дѣла, ознакомиться съ ними и нашла ихъ въ страшномъ безпорядкѣ.

Остапъ молчалъ, прислонясь къ стѣнѣ, заложивъ руки назадъ. Мысли и чувства волновались въ немъ, при видѣ этой женщины, такъ измѣнившейся, такъ видимо упавшей духомъ; онъ ничѣмъ не обнаружилъ своего внутренняго состоянія.

— Панъ будетъ защитникомъ нашимъ и спасителемъ,— сказала Михалина.—Не правда ли?

— Я сдѣлаю все, что будетъ отъ меня зависѣть,—лаконически отвѣчалъ Остапъ,—все, что панъ графъ мнѣ приказалъ.

Михалина не узнавала Остапа.

Приготовясь къ пріѣзду его и поставивъ преградою между нимъ и собою колыбель своего ребенка, она представляла его несчастнымъ, грустнымъ и удрученнымъ. Теперь она встрѣтила въ немъ равнодушнаго человѣка, который смотрѣлъ на нее холодно, отвѣчалъ ей полусловами и казался даже совершенно безчувственнымъ и ничего не понимающимъ.

— Могла-ли я такъ ошибиться?—подумала она. Нѣтъ! нѣтъ! Это притворство! Въ его душѣ таится огонь, кроется боязливое чувство. Могъ-ли онъ такъ перемѣниться, такъ состарѣться, такъ забыть?

Забывъ на минуту о ребенкѣ, она обратилась къ Остапу, посмотрѣла съ трепетомъ ему въ глаза и дружескимъ голосомъ сказала:

— Панъ насъ не оставитъ?

Звукъ ея голоса и выраженіе лица возмутили притворное спокойствіе Остапа. Сердце его забилось и руки опустились; все скрываемое чувство выказалось наружу.

— Никогда! никогда!—воскликнулъ Остапъ.

Въ этомъ страстно сказанномъ: „никогда“ Михалина услыхала все свое прошедшее. Любовь, которую она до сихъ поръ

еще не могла погасить, снова пробудилась со всею силою; ей казалось, что она только-что загорается въ ней.

Михалина отгадала тайну и, утѣшенная, успокоенная, упрекала себя за свою радость, не старалась болѣе смотрѣть на него и не пыталась уже болѣе разбудить умершаго. Но разговоръ, прерванный на минуту, пошелъ опять своимъ чередомъ, тѣмъ-же хладнокровнымъ тономъ.

— Ты не узнаешь, панъ, своей стороны,—сказала Михалина, такъ все измѣнилось! И мы, и вы, и люди, и даже самый край. Насъ окружили недруги, завистники, люди недоброжелательные; не могу понять, какимъ образомъ Альфредъ могъ такъ много ихъ нажить. Бѣдный Стася!

— Все перемѣнится, все забудется. Время лучшее лѣкарство.

— Время? Нѣтъ!—возразила Михалина.—Есть люди, на чувства которыхъ время не дѣйствуетъ.—Проговоривъ эти слова, она невольно вздохнула.

— Но ты, панъ, будешь нашимъ защитникомъ,—добавила она живо,—и мнѣ отраднѣе за будущее.

— Я тоже надѣюсь,—сказалъ Остапъ,—и если горячее желаніе имѣетъ значеніе и можетъ къ чему нибудь послужить, то надежда эта можетъ осуществиться.

— Я многаго не желаю,—сказала Михалина, обращая взоры на колыбель.—Возврати сыну отца, успокой недоброжелателей, удовлетвори должниковъ, а намъ сбереги хотя маленькій уголокъ, хотя небольшой домикъ,

Слезы покатились изъ глазъ ея.

— Не плачь, пани! Ради Бога, не плачь,—воскликнулъ Остапъ, который безъ волненія не могъ видѣть ее плачущею. Онъ чувствовалъ, что силы оставляютъ его. Слезы,—прибавилъ онъ,—не спасаютъ, а губятъ; въ дѣлахъ вашихъ нужны мужество и твердость.

— Ты много требуешь, панъ, отъ женщины,—отвѣчала графиня, ободренная словами Остапа. Она взглянула на него, и прошлое, дорогое ей прошлое, снова мелькнуло передъ нею.—Мужество и твердость не наши добродѣтели,—продолжала она. Но я уже не такъ боюсь, видя пана здѣсь, повѣрь мнѣ. При томъ же я многаго не желаю: Стасѣ—небольшой кусокъ хлѣба;

я уже пріучаю его къ лишеніямъ. Для себя же я желала бы только,—сказала она, подумавъ, спасти домъ моихъ родителей, гдѣ я такъ счастливо провела молодость; остальное же все, даже Скалу, отдамъ безъ сожалѣнія.

Остапъ долженъ былъ призвать на помощь все свое мужество; онъ весь трясся, чувствовалъ, что ослабѣваетъ; только звукъ голоса Михалины доходилъ до его ушей; выраженія же пролетали непонятными.

— Пани,—отвѣчалъ онъ тихо,—клянусь, что сдѣлаю все возможное, все, что пани мнѣ прикажетъ.

— Я не приказываю, я не смѣю и просить. Дѣлай, что внушитъ тебѣ дружба твоя къ Альфреду, и,—добавила она почти шопотомъ,—и память объ его ребенкѣ,

Они замолчали; слезы текли изъ глазъ графини; дитя пробудилось и, протягивая къ ней ручки, начало звать ее къ себѣ; долго не слыхала мать зова его, потомъ бросилась къ колыбели и, взявши на руки красиваго, черноглазаго мальчика, поднесла его къ Остапу. Бондарчукъ не смѣлъ до него дотронуться, потому что какое-то неизъяснимое чувство сжимало его сердце при видѣ ребенка, который, прижимаясь къ графинѣ, обнялъ ее рученками, и съ боязнью поглядывалъ на незнакомца.

— Поклонись же, Стася, — сказала графиня, — поклонись этому барину; вѣдь онъ тебѣ заступитъ мѣсто отца.

— О! пани,—сказалъ съ чувствомъ Остапъ,—я только одинъ изъ первыхъ и ревностныхъ вашихъ слугъ.

Проговоривъ эти слова, онъ взялся за двери, чтобы выйти.

— Панъ уже уходитъ?—спросила его Михалина.

— Не могу терять ни минуты.

— Мнѣ нужно бы было поговорить съ паномъ.

— Прикажи меня, пани, позвать!

При прощаньи Остапа, видъ и лицо его снова поразили Михалину своею противоположностью съ тѣмъ образомъ, который таился въ ея памяти.

Стася шепталъ что-то на ухо матери, но она не слушала его; погруженная вся въ думу, взволнованная, она отдала ребенка нянѣ и осталась въ креслѣ недвижимая. Она еще не могла его понять, но и не могла не любить его.

Выйдя отъ Михалины, Остапъ пошелъ въ садъ, чтобъ

укротить волновавшія его чувства и пріобрѣсти нужное спокойствіе для занятія дѣломъ.

Освѣжившись, онъ отправился на квартиру управляющаго.

Управляющій имѣлъ отдѣльное свое хозяйство и прислугу и жилъ богато, тогда какъ имѣнію отовсюду грозило уничтоженіе. Пользуясь послѣдними минутами своего пребыванія въ Скалѣ, онъ прежде всего заботился о себѣ, а не объ интересахъ своего довѣрителя.

На дворѣ лежало подъ воротами нѣсколько людей, ожидая съ ранняго утра, что ихъ наконецъ когда-нибудь выслушаютъ; нѣсколько жидовъ сидѣли у крыльца; въ комнатахъ самъ управляющій толковалъ съ однимъ изъ экономовъ. Невидная одежда Остапа обратила на себя вниманіе сидящаго у крыльца мальчика, который, не вынимая рукъ изъ кармана, спросилъ сквозь зубы:

— А что тебѣ, милостивый государь, надо?

— Желаю видѣться съ паномъ управляющимъ.

— А кто ты такой?

— Милый мой, — отвѣчалъ Остапъ, — скажи что имѣю очень нужное письмо отъ пана графа, и долженъ передать его въ руки пана Сусля.

— Письмо отъ ясновельможнаго графа?—спросилъ мальчикъ.—Но нельзя-ли мнѣ поручить отдать его, потому что въ эту минуту панъ управляющій не имѣетъ свободнаго времени.

— Поди же и доложи только,—сказалъ тихо Остапъ.

— А когда я знаю, что онъ не свободенъ!

— Ну, такъ я самъ пойду къ нему,—сказалъ Остапъ, смѣло приближаясь къ дверямъ. Мальчикъ хотѣлъ было загородить ему входъ, но строгій взглядъ Остапа испугалъ его.

Управляющій былъ уже пожилой мужчина и добился до настоящаго положенія долгимъ и тяжкимъ трудомъ и униженіемъ. Румяный, полный, съ длинными усами, съ маленькими сѣрыми глазками, съ заложенной за растегнутую жилетку рукою, онъ сидѣлъ въ покойномъ креслѣ у стола, заваленнаго бумагами; у порога смиренно стоялъ экономъ, сгорбленный и бѣдно одѣтый. При видѣ человѣка, который безъ доклада осмѣлился войти въ канцелярію, брови уполномоченнаго наморщились и онъ, немного приподнявшись, спросилъ:

— Что нужно пану?

— А вотъ письмо.

— Но я занятъ... Что такое?...

— Письмо это отъ пана графа.

— Отъ графа?... А хоть бы и отъ князя,—сказалъ управляющій,—можно было подождать.

— Прочтите его,—сказалъ Остапъ,—и тогда убѣдитесь, что я не могъ ждать.

Говоря это, Остапъ отдалъ письмо и, не спрашивая, усѣлся на противостоящемъ диванѣ, осматривая комнаты.

Панъ Михаилъ Сусель, поглядывая исподлобья на прибывшаго и на его безцеремонное обращеніе, началъ читать письмо. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ поблѣднѣлъ и сказалъ Остапу:

— Прошу извинить меня, милостивый государь, но я право не зналъ...

— Напрасно извиняетесь: я, право, не сержусь.

— Для чего же панъ сюда пожаловалъ?

— Я пріѣхалъ сюда для принятія въ управленіе имѣнія, а такъ какъ это требуетъ немедленнаго совѣта, какъ видно по нѣкоторымъ бумагамъ, то я и прошу пана, чтобы онъ сейчасъ же занялся сдачею мнѣ всего.

Панъ Сусель, уже довольно испуганный, потеръ лобъ и молвилъ, заикаясь:

— А, хорошо, очень хорошо, хотя видишь, панъ...

— До сихъ поръ ничего не вижу.

— По правдѣ сказать, я не приготовился.

— Мы другъ другу поможемъ,—отвѣчалъ Остапъ.

— Видишь, панъ, я имѣлъ полную довѣренность отъ графа.

— И надѣюсь, что панъ не употребилъ ее во зло.

— Видитъ Богъ, видитъ Богъ; позволь, панъ, я черезъ минуту буду готовъ.

Онъ вышелъ спросить совѣта и помощи у своей жены, какъ обыкновенно дѣлалъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ.

Остапъ зналъ уже напередъ человѣка, съ которымъ имѣлъ дѣло, а потому терпѣливо ждалъ его возвращенія. Онъ видѣлъ по пріему, что поспѣшный его пріѣздъ помѣшалъ плутнямъ, надо было поторопиться сдачею бумагъ и счетовъ.

Въ продолженіе четверти часа слышна была большая суетня

во всемъ домѣ. Наконецъ, панъ Сусель возвратился въ контору съ болѣе веселой миной.

— Прошу у пана прощенія, но обязанность пана очень трудна.

— Да, она трудна для того, кто исполняетъ ее ревностно и добросовѣстно.

— Вотъ, что касается доходовъ, милостивый государь, то они, видитъ Богъ, не по моей милости, въ ужасномъ видѣ. Слава Богу, что панъ возьметъ отъ меня это бремя,—я ничего бы уже не придумалъ, просилъ бы только, чтобы пустили отсюда душу на покаяніе. Между нами сказать, долги превышаютъ состояніе. Но я въ этомъ не виноватъ. Ясновельможный графъ, по своей медленности... Тутъ онъ прервалъ рѣчь и отнесся съ улыбкой къ Остапу:

— А что, нельзя ли, милостивый государь, попросить васъ къ женѣ моей на чашку чая?

— Очень вамъ благодаренъ, я не пью. Мнѣ хочется сейчасъ же приняться за дѣло.

— Сейчасъ? И не отдохнувъ?

— Сейчасъ, панъ, сейчасъ.

— Но мы, панъ, ничего не приготовили.

— Это нисколько не мѣшаетъ: мнѣ формъ никакихъ не надо.

- Слѣдовательно, панъ прикажетъ позвать конторщиковъ?

— Сперва я попросилъ-бы показать мнѣ бумаги и объяснить, въ какомъ положеніи находятся дѣла при текущихъ обстоятельствахъ.

— Бумаги, милостивый государь? Что касается до бумагъ, то онѣ всѣ, т. е. нотаріальныя или крѣпостныя, лежатъ въ уѣздномъ городѣ, а тѣ, которыя относятся къ управленію — экономическія и счетныя, тѣ по рукамъ у конторщиковъ.

— Но онѣ тоже и у пана?

— Завтра я бы приказалъ собрать ихъ.

— Признаюсь пану, что не могу терять ни минуты; завтра я долженъ ѣхать въ уѣздный городъ.

Управляющій почесалъ въ головѣ, посмотрѣлъ внимательно на Остапа, хотѣлъ что-то сказать и замолчалъ.

— Видишь, панъ,—сказалъ онъ, помолчавъ,—прежде надо узнать въ этой путаницѣ положеніе вещей. Съ чего бы намъ начать?

— Съ чего пану угодно, только бы поскорѣе.

— Панъ вѣдь не знаетъ, что это очень сложная машина.

— Я ужъ это немного знаю.

— А! тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Скажу пану, что я здѣсь потерялъ силы, здоровье. И теперь охотно, видитъ Богъ, охотно пойду на покой.

Контору отдѣляли только двери отъ пріемныхъ комнатъ. Управляющій сильно крикнулъ разъ, другой, и изъ сѣней показалась пригожая блондинка, довольно стройная. Взглянувъ на Остапа съ кроткой и привлекательной улыбкой, она, жеманясь, сказала:

— Могу ли просить милостиваго государя къ себѣ покушать земляники и выкушать чашку чая?

— Очень благодаренъ, чаю не пью, земляники не ѣмъ. Мы тутъ сильно заняты.

— Но на минутку, не надолго?

— Прошу извинить меня, пани, за отказъ, но мнѣ необходимо заняться дѣломъ.

— Панъ къ намъ немилостивъ,—добавилъ панъ Сусель.

Красивая блондинка, взглянувъ довольно сурово и презрительно на Остапа, завертѣлась и шепнула мужу:

— Я сюда пришлю чаю, когда уже панъ такъ къ намъ немилостивъ.

— Слѣдовательно, мы начнемъ?—торопилъ Остапъ.

— Вотъ бумаги! Пусть панъ счастливо примется, — сказалъ управляющій, постепенно переходя изъ пріятнаго въ грозный тонъ.

— Безъ помощи пана я не желалъ-бы начинать.

— Что тутъ напрасно воду толочь? Скажу откровенно: панъ пріѣхалъ сюда напрасно, потому что здѣсь трудно уже дать совѣтъ.

— Почему?

— Потому что тутъ даже человѣкъ, который на этомъ зубы съѣлъ, ничего не присовѣтуетъ.

— Что-же будетъ?

— Что? А что быть должно. Ясно, что имѣніе продается, и владѣлецъ пойдетъ съ сумою. Вотъ и все.

— Давно ты, панъ, здѣсь управляешь?—спросилъ его Остапъ.

— Для чего панъ объ этомъ спрашиваетъ? Лѣтъ десять; но я не виноватъ, я дѣлалъ, что мнѣ приказывали дѣлать.

— И панъ все позволялъ, не стараясь ни разсудительностью, ни доброжелательнымъ совѣтомъ наставить графа на путь истинный; видя упадокъ имѣнія, панъ не удалился.

— А мнѣ что-же до этого? Мною распоряжались, я исполнялъ, а что случилось послѣ, въ томъ я умываю руки. Я тутъ ни въ чемъ не виноватъ.

— Это окажется.

— Что-же можетъ оказаться?—воскликнулъ панъ Сусель.— Ничего, и ничего не будетъ.

— А поэтому что-же мнѣ тутъ дѣлать?—спросилъ иронически Остапъ.

— Дѣлай, панъ, что хочешь, а мой совѣтъ — не вмѣшиваться-бы не въ свое дѣло, потому что ты тутъ, панъ, не найдешь ни начала, ни конца.

— Попробуемъ сперва,—сказалъ Остапъ, садясь за столъ.— Прикажите позвать, панъ, счетчика, писарей и конторщиковъ.

Панъ Сусель остановился, посмотрѣлъ, пожалъ плечами и идя къ дверямъ, началъ что-то нетвердымъ голосомъ приказывать мальчику, который на порогѣ показался съ чаемъ. Потомъ, ходя по конторѣ, отрывистыми словами, половину про себя, половину громко, говорилъ:

— Дѣлай, панъ, что хочешь! Это не моя вина, я тутъ ни на волосъ не сдѣлалъ упущенія, совѣсть моя чиста. Я потратилъ жизнь свою на эти дѣла и никого не боюсь; пусть кто хочетъ судитъ.

Видя, что Остапъ начинаетъ разсматривать бумаги, онъ снова спросилъ его:

— Такъ панъ и въ самомъ дѣлѣ за дѣло берется?

— Не шутя, думаю заняться, и сейчасъ-же. Желаю, чтобы и панъ безъ отлагательства принялся за сдачу бумагъ и кассы.

— Кассы!—повторилъ Сусель.—Но развѣ ты, панъ, думаешь, что у насъ есть касса? Я уже не помню, когда я тутъ грошъ видѣлъ.

— Это удивительно,—возразилъ Остапъ.—Однако, я здѣсь у пана не вижу недостатка, экипажъ видѣлъ порядочный и фортепіано слышалъ, и въ домѣ все такъ хорошо.

— Чтожъ ты, панъ, воображаешь, что человѣкъ существовалъ и жилъ только по милости графа? Жена моя, однако тоже принесла кое-что въ приданое, а я явился сюда не съ голыми руками. Еще и то будетъ милость Божія, если я свое спасу, потому что все потратилъ, помогая графу, а кто знаетъ, кто за это заплатитъ, развѣ Богъ?

— Оставимъ жалобы, — сказалъ Остапъ, возвращаясь къ дѣлу,—примемся за работу.

— Какъ видно, пану совершенно ново за дѣло-то браться. Тутъ мѣсяца высидѣть мало, чтобы только этой азбукѣ научиться.

— Тѣмъ скорѣе надо начать.

— Я предостерегаю пана, что онъ не сыщетъ никакого ладу: это хаосъ.

— Это вина пана, если такъ все запутано.

— Моя вина! Га! Такъ! такъ! Панъ грозитъ мнѣ? Но мы посмотримъ, что изъ этого будетъ! Моя вина!—ворчалъ панъ Сусель,—я выйду чистъ, не знаю только, какъ другіе-то выйдутъ. Я, панъ, имѣлъ полную довѣренность отъ ясновельможнаго графа и служилъ ему десять лѣтъ, а потому въ одинъ часъ не могу уйти и получить отказъ.

— Это справедливо, панъ; но къ дѣлу, панъ, къ дѣлу.

— Дѣлай-же, панъ, что хочешь,—грубо отозвался Сусель,— я сейчасъ выѣзжаю, и мы увидимъ, что панъ тутъ придумаетъ.—Сказавъ это, управляющій вышелъ, хлопнувъ дверью, и отправился къ женѣ.

— А что, душка, скверно! — воскликнулъ онъ, входя въ комнату, убранную коврами, цвѣтами, фарфоромъ и мебелью краснаго дерева.

— А что дѣлаетъ тамъ тотъ панъ?

— Взялся тотчасъ-же за счеты и хочетъ меня, какъ вижу, спихнуть.

— Но ты никогда ничего не умѣешь придумать.

— А чтожъ тутъ придумаешь?

— Не допускать его.

— Прекрасно. Какъ-же это?

— Есть тысяча средствъ: выгнать его изъ дома, запереть бумаги и поѣхать въ городъ, тамъ тебѣ дадутъ совѣтъ и найдутъ средства.

— Прогнать его, когда онъ такъ уже влѣзъ въ контору, что и ваша милость не могла оторвать его оттуда. Что-жъ, я его за двери выпихну?

— Ты вѣчная розиня!—отвѣчала пани.—Что мнѣ до этого! Какъ постелешь такъ и выспишься, а я сейчасъ выѣзжаю.

— И я съ тобою.

— Для чего?

— Чтожъ я здѣсь буду дѣлать?

Пани важно прошлась по комнатѣ, пожала плечами, позвонила и приказала вошедшему слугѣ запрягать коляску.

Созванные конторщики тотчасъ-же собрались; на лицахъ ихъ видно было тоже замѣшательство.

Одинъ старый кассиръ, Иванъ Полякевичъ, стоя за другими съ грустнымъ лицомъ, ждалъ спокойно, но безжизненно, приказаній. Старый слуга, онъ одинъ только не пользовался безпорядкомъ, скорбѣлъ о немъ, но не имѣлъ силы остановить графа. Холостой, безродный, всѣмъ сердцемъ привязанный къ своимъ господамъ, онъ радъ бы былъ спасти ихъ, но одинъ ничего не могъ сдѣлать. Весь дворъ давно уже не считалъ Полякевича Божьимъ созданіемъ: всѣ надъ нимъ смѣялись, а болѣе всего надъ аккуратностью, съ которою записывалъ въ реестры деньги, которыхъ никогда въ глаза не видалъ. Яковъ не обращалъ на это вниманія и дѣлалъ по-своему. Хотя касса давно уже была въ рукахъ управляющаго, однако же панъ Яковъ весьма подробно зналъ о всѣхъ приходахъ и вносилъ ихъ въ книгу.

Приказавъ всѣмъ приготовиться къ сдачѣ счетовъ и объявивъ, что панъ Сусель уже не будетъ съ этой минуту управлять имѣніемъ, Остапъ отправилъ всѣхъ вонъ изъ конторы, сдѣлавъ знакъ Полякевичу, чтобы онъ остался. Альфредъ при прощаньи съ Остапомъ поручилъ ему Якова, какъ самаго вѣрнаго служителя.

Уходившіе посмотрѣли искоса на пана Якова.

— Ты уже давно здѣсь, — обратясь къ нему, сказалъ Остапъ,—и отъ тебя я всего болѣе могу научиться. Графъ поручилъ мнѣ тебя, какъ вѣрнѣйшаго своего слугу; помоги мнѣ познакомиться съ дѣлами и людьми.

— Милый панъ мой!—сказалъ тихо Полякевичъ, показывая

нальцемъ на дверь,—много надо тутъ говорить, много дѣлать и много передѣлать.

— Есть ли что-нибудь въ кассѣ?

— У меня давно уже ничего нѣтъ, — отвѣчалъ Яковъ, надѣвая очки, — но по приходу и расходу оказывается по моимъ вѣдомостямъ, что должно бы находиться 2 злотыхъ 15 грошей. Вотъ книжка; уже лѣтъ пять, какъ въ кассѣ никогда разомъ пяти злотыхъ не было,—добавилъ онъ съ выраженіемъ.

— Куда-же дѣлись деньги?

— Панъ управляющій заблаговременно назначилъ ихъ на надобности.

— А реестръ приходовъ.

— Формальные должны быть у него; у меня-же мои собственные, писанные только изъ любопытства: по нимъ, панъ, можно тоже немножко доискаться; пусть панъ эту книжку просмотритъ. Тутъ каждая вещь записана въ точности.

— Благодарю,—сказалъ Остапъ, взявъ книжку.—Надѣетесь-ли вы получить въ сію минуту сколько нибудь доходу?

— При хорошемъ порядкѣ, должно бы было получить, отвѣчалъ Полякевичъ,—проданъ новый хлѣбъ, послѣдній изъ запасныхъ магазиновъ; нанимали матросовъ.

— Деньги за матросовъ не принадлежатъ кассѣ?

— У насъ, панъ, принадлежатъ.

— А еще?

— Что же? Развѣ за лѣсъ купцы принесутъ.

— Можетъ, прежде времени заплатили?

— По контракту видно, что должны были выплачивать частями.

При этихъ словахъ явился управляющій, разсерженный.

— Что ты слушаешь, панъ, воскликнулъ онъ,—этого стараго болвана? Это празднолюбецъ, дармоѣдъ. Я давно хотѣлъ удалить его, только графъ сжалился надъ нимъ. То-то, я думаю, наплелъ тебѣ вздору?

Старикъ, молча, вздохнулъ и потупилъ взоры.

— Пусть панъ спроситъ меня,—добавилъ Сусель.

— Да вѣдь ты, панъ, не желаешь отвѣчать мнѣ!

— Напротивъ. Я тутъ одинъ только могу дойти до дѣла;

не обманывай себя, панъ, одинъ ты тутъ ничего не придумаешь. Если хочешь послушаться меня, панъ...

— Мы теряемъ время по-пустому, — прервалъ его Остапъ. Прошу сейчасъ-же сдать мнѣ бумаги.

Панъ Сусель не торопился исполнить его требованіе.

Остапъ пошелъ къ среднимъ дверямъ, заперъ ихъ, завѣсилъ окна, и доставъ сургучъ и печать, сказалъ Полякевичу.

— Прикажи, панъ, подать мнѣ свѣчку.

— Для чего?—спросилъ Сусель.

— Опечатаемъ контору.

— Но здѣсь мои вещи и мои собственныя бумаги.

— Вещи можешь, панъ, сейчасъ велѣть взять; бумаги же ваши не должны тутъ находиться; впрочемъ, по разсмотрѣніи, я ихъ возвращу пану.

Сусель вытаращилъ глаза, схватилъ себя за вихоръ и побѣжалъ снова къ женѣ. Прежде чѣмъ Полякевичъ принесъ свѣчку, управляющій и жена его вбѣжали въ контору. Но хорошенькая блондинка была неузнаваема; она дрожала и тряслась отъ гнѣва, а громкій голосъ ея писклив одребезжалъ въ ушахъ.

— Что ты, панъ, воображаешь?—кричала она.— Застращать что-ли насъ хочешь? Схватить, арестовать, опечатать! Панъ не знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло! Мужъ мой не какой-нибудь экономъ, котораго можно безнаказанно обидѣть; тутъ рѣчь идетъ о нашей чести, а не о вашемъ скверномъ мѣстѣ! Знаетъ-ли панъ, кто я такая? Братъ мой—младшій судья въ земскомъ судѣ, отецъ мой служитъ въ губернскомъ правленіи совѣтникомъ, слава Богу! Что ты, панъ, думаешь, что ты опутать, запугать насъ хочешь?

— Думаю, почтенная пани, — отвѣчалъ Остапъ холодно, приготовляясь къ опечатанію, — думаю, что пани вмѣшивается не въ свои дѣла. Впослѣдствіи можно будетъ на меня жаловаться, если угодно.

Видя, что слова ея не производятъ никакого дѣйствія, пани Суслина вышла, хлопнувъ дверью; мужъ ея остался у порога; Остапъ и Полякевичъ въ это время опечатывали двери и окна.

— Назначь сейчасъ-же человѣка для присмотра за конторой,—сказалъ Остапъ Якову, — а самъ поѣдешь со мной.

Старикъ съ сіяющимъ лицомъ живо повернулся и сейчасъ-же возвратился.

— Староста Лебеда останется при конторѣ, я за него ручаюсь,—сказалъ онъ.

— А мы поѣдемъ,—сказалъ Остапъ.

Въ сѣняхъ застали уже старика Лебеду, который, изъ любопытства, услыхавъ о пріѣздѣ новаго управляющаго, притащился на барскій дворъ; при немъ опечатали двери, оставили его на караулѣ, съ приказаніемъ не дозволять вывоза движимости пана управляющаго. Коляска пани Суслиной стояла запряженная, она собиралась отправиться къ брату и роднымъ за помощью отъ угрожающей опасности. Панъ Сусель, самъ не свой, въ безпокойствѣ ходилъ отъ двери къ двери, повторяя:

— О! Когда такъ, то посмотримъ, что изъ этого выйдетъ!

Остапъ съ Полякевичемъ пошли на барскій дворъ; когда они остались одни, честное сердце кассира заговорило:

— А, панъ! — воскликнулъ онъ. — Помоги намъ Господи, хотя и кажется, что ничего не будетъ; что тутъ у насъ дѣлается, того описать и разсказать невозможно. Содомъ, панъ, и Гоморъ! Графу все равно было, что говорить, что нѣтъ; онъ, съ нѣкоторыхъ поръ какъ-бы одеревенѣлъ. Человѣкъ терпѣлъ, плакалъ, а не смѣлъ пикнуть. Графа все выводило изъ терпѣнія. Бывало, приду къ нему и только начну говорить, а онъ меня отправитъ къ управляющему, а управляющій-то — первый злодѣй; онъ теперь богаче графа. Будетъ много, много хлопотъ, а врядъ-ли что выйдетъ. У управляющаго въ уѣздномъ судѣ тьма защитниковъ, родныхъ, пріятелей и шпіоновъ. Вертепъ беззаконія! — добавилъ онъ, вздыхая.

— На кого изъ служащихъ у насъ можно положиться?— спросилъ Остапъ.

— Есть двое старыхъ, почтенныхъ слугъ, которые ходятъ безъ сапоговъ, какъ и я; прочіе-же, панъ, все щеголи, — со вздохомъ молвилъ Яковъ, — молодежь, родные управляющаго, или его жены, или родные родныхъ, или кумовья и сваты. Пану надо какъ можно скорѣй поспѣшить — всѣхъ разомъ со двора долой, приказать имъ подать счеты, лишить ихъ власти и спасать то, что еще не погибло. Медлить нельзя, а то и послѣднее растаскаютъ.

Послѣ долгаго совѣщанія съ почтеннымъ Яковомъ, Остапъ бросился въ бричку и поскакалъ въ городъ.

Тутъ убѣдился онъ, что въ самомъ дѣлѣ трудно ему будетъ сладить съ управляющимъ: мелкіе чиновники, отъ которыхъ часто все зависитъ, были совершенно ему преданы.

Едва разошлась вѣсть, что новый управляющій—повѣренный Альфреда, прибылъ въ городъ, какъ уже панъ Цемерка, съ двумя другими кредиторами, явились на его квартиру и съ угрозами требовали должныхъ имъ денегъ. Остапъ былъ на все готовъ; встрѣча съ управляющимъ придала ему новыя силы. Умѣривъ сколько можно свое нетерпѣніе, онъ кротко и хладнокровно встрѣтилъ кредиторовъ, которые вошли съ шумомъ, крикомъ и видимымъ желаніемъ напугать его. Остапъ при первомъ-же вопросѣ Цемерки отвѣчалъ, кланяясь:

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Фамилія моя Цемерка, Иванъ Цемерка, и я пришелъ сюда за моими деньгами,—слышишь, панъ, понимаешь, панъ!

— Слышу и понимаю,—сказалъ Остапъ,—но панъ началъ съ нами процессъ.

— Конечно, и пущу графчика-то съ сумою, — возразилъ Цемерка, махая палкой.—Я поучу его уму разуму, слышишь панъ!

— Позвольте,—прервалъ Остапъ,—о панѣ графѣ прошу при мнѣ осторожнѣе выражаться, потому что я уважаю его и знаю, что онъ въ глубинѣ души добросовѣстный человѣкъ, хотя обстоятельства и противъ него.

— Обстоятельства! Милостивый государь!

— Поговоримъ о дѣлахъ, а о нихъ слѣдуетъ говорить хладнокровно и просто. Процессъ начатъ.

— И уже почти выигранъ.

— Еще нѣтъ,—отвѣчалъ Остапъ,—долговая запись пана была сдѣлана изъ семи процентовъ, а такой процентъ запрещенъ закономъ. Мы, однако, все исполнили, къ чему обязались. Но прежде чѣмъ панъ выиграетъ процессъ, пройдетъ довольно времени, а намъ это-то и нужно; время все дѣлаетъ.

— Такъ-то,—крикнулъ со злостью Цемерка. — Вотъ они, почтенные-то люди!

— Это доказываетъ только, что мы знаемъ свои интере-

сы, — отвѣчалъ Остапъ, — но не думаемъ отвергать ни долговъ, ни процентовъ. Если панъ мирно поладитъ со мной, я заплачу.

— Какъ заплатишь?—едва вѣря своимъ ушамъ, спросилъ Цемерка. — А чѣмъ же заплатишь? Откуда возьмешь денегъ? Развѣ я не знаю, въ какомъ вы положеніи? Хочешь пустить мнѣ пыль въ глаза! Заплатитъ, слышите! Въ банкъ уже три срока не внесено; экзекуціей выжимаютъ подати; должники кричатъ, точно какъ будто съ нихъ кожу дерутъ, а онъ говоритъ: заплачу. А чѣмъ-же заплатите? Стружками?

— Что принадлежитъ пану, то я заплачу.

— Да не можете заплатить. Слышишь, панъ?

— Заплатимъ сегодня, завтра, когда панъ хочетъ; но впередъ сдѣлаемъ смѣты.

— Капиталъ съ процентами?

— Все.

Цемерка надѣялся, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ возьметъ деревню почти даромъ, сдѣлалъ гримасу и покачалъ головой.

— Этого быть не можетъ!—воскликнулъ онъ.

— Если не заплатимъ въ опредѣленный срокъ, то пусть паны покупаютъ имѣніе съ аукціона.

— Слѣдовательно, и насъ удовлетворитъ панъ? — подхватилъ другой кредиторъ.

— И васъ тоже!—отвѣчалъ Остапъ.

— А банкъ?—спросилъ третій.

— Банкъ будетъ удовлетворенъ съ первою почтою.

— А подати?

— Вношу ихъ сегодня въ казначейство.

Кредиторы переглянулись между собою, пожали недовѣрчиво плечами, а панъ Цемерка заговорилъ по своему:

— Кто ихъ знаетъ! золотую руду, должно быть, нашли? А что панъ, вѣдь ты здѣсь еще вновѣ; знаешь-ли ты, чему равняются всѣ долги графа?

— Всѣ, до гроша, знаю.

— Долгъ преогромный, около милліона.

— Немного менѣе.

— Откуда-же вы возьмете такую сумму? У васъ нѣтъ кредита.

— А почему панъ это знаетъ?

— Надѣюсь, кому я не дамъ, тому никто не дастъ.

Остапъ расхохотался, и громкій смѣхъ его немного смутилъ спекулятора.

— Панъ смѣется?

— Невольно, противъ желанія.

— Чтожъ тутъ смѣшного?

— А то, что панъ считаетъ себя здѣсь Ротшильдомъ.

Цемерка хотѣлъ уже отвѣтить грубостью, но какъ-то удержался.

— Но приступимъ къ дѣлу,—сказалъ онъ,—покажи мнѣ, панъ, твою возможность покончить съ нами, и я кончу.

— Считай, панъ, а я плачу.

— Я хочу видѣть, откуда и чѣмъ панъ платитъ! Что говорить напрасно: плачу, плачу.

— Мнѣ кажется, я не обязанъ толковать, откуда и какъ я заплачу! Для чего мнѣ разсказывать пану о состояніи нашего кармана? Однако-же, чтобы успокоить пана, скажу, что у насъ долгу восемьсотъ семьдесятъ пять тысячъ, включая сюда недоимки, незаплаченные проценты, неотданное жалованье, законные штрафы и издержки.

— Согласенъ и на 875 тысячъ; любопытная вещь, какъ вы изъ нихъ вывернетесь?

— Въ этомъ числѣ банковаго долга 500 съ чѣмъ-то тысячъ на обоихъ имѣніяхъ графа и графини.

— Пусть хоть и такъ; остается 375 тысячъ; все еще хорошее дѣло.

— Безъ сомнѣнія, особенно для насъ. Въ банкъ платится уже почти двѣсти лѣтъ, и посему ясно, что первоначальная сумма уменьшена на половину; сдѣлаемъ новый заемъ, оплативъ незаплаченные сроки, и на триста нашего долга получимъ около двухъ сотъ тысячъ.

— Видишь, панъ! Но, но еще нѣсколько сотъ тысячъ; мнѣ любопытно знать,—какимъ образомъ вы изъ нихъ выберетесь?

— Узнаешь, панъ, подпись Гальперина изъ Бердичева?—спросилъ Остапъ.

— Какъ свою собственную,—сказалъ Цемерка, — но что?

— У меня отъ него вексель на 180 тысячъ злотыхъ: это успокоитъ остальныхъ кредиторовъ, — возразилъ Бондарчукъ, вынимая бумагу изъ портфеля.

Всѣ задумались, а Остапъ спросилъ:

— Что же послѣ этого согласимся мы, или нѣтъ?

— Конечно, согласимся,—отвѣчали всѣ.

— А я заплачу.

На этомъ окончилось первое совѣщаніе съ кредиторами, которые сейчасъ-же разнесли вѣсть по городу о прибытіи новаго повѣреннаго съ огромнымъ портфелемъ векселей и ассигнацій.

Послѣ ихъ ухода Остапъ бросился въ кресла, хотѣлъ отдохнуть, но тутъ окружили его квартиру должники другого класса, — жиды, внося цѣлыя мѣшки росписокъ, квитанцій и счетовъ.

Старый Полякевичъ случайно выручилъ Бондарчука. Они возвратились въ Скалу, гдѣ его ожидали такія-же затрудненія. Прежде всего надо было успокоить Михалину. Въ первое короткое свиданіе съ нею, Остапъ не успѣлъ ни объяснить ей положенія вещей, ни разсказать ей о неожиданной помощи; онъ ничего не смѣлъ обѣщать прежде времени. Теперь, успокоенный, онъ спѣшилъ увѣрить Михалину, что никто ее не выгонитъ изъ родного угла; спѣшилъ съ нею посовѣтоваться, какъ-бы уплатить Герцику.

Онъ засталъ графиню въ уединенномъ уголкѣ, какъ и прежде, одну съ ребенкомъ. Освоившись съ своимъ положеніемъ, онъ гораздо храбрѣе явился къ ней, а она сдѣлалась еще грустнѣе.

Маленькій Стася игралъ у ногъ ея, поглядывая украдкой на прибывшаго, который, какъ и прежде, сталъ у дверей и, казалось, ждалъ, чтобы сама графиня начала разговоръ.

— Прошу васъ сѣсть, панъ, — сказала грустно Михалина. — Я очень благодарна пану. Я тутъ ничего не знаю, не слышу, сижу покойно (если можно быть покойной въ моемъ положеніи), а ты, панъ, несешь, за меня, за насъ, тяжкое бремя.

— Дѣла не такъ дурны, какъ думаетъ пани.

— Панъ хочетъ только успокоить меня.

— Нѣтъ, говорю правду; намъ недостаетъ только ста тысячъ съ небольшимъ. У меня есть эта сумма; но надо подумать, какъ послѣ заплатить ее.

— Сто съ чѣмъ-то тысячъ! — повторила графиня, — и я могла-бы возвратиться въ мое любимое гнѣздышко, могла-бы оставить его Стасю.

— Не только то имѣніе, но и Скалу, и все.

— Панъ слишкомъ уже утѣшаетъ меня. Можетъ-ли это быть? Скажи, панъ, искренно, откровенно! Я не испугаюсь,— сказала она, выразительно посмотрѣвъ на него.

Остапъ едва совладѣлъ съ собой и подалъ ей бумагу. Она взяла ее трепещущей рукой, но, не заглянувъ даже въ нее, отложила въ сторону.

— Я не понимаю этого; скажи мнѣ, панъ, лучше самъ, что я должна дѣлать. Я все сдѣлаю.

— Чего я вынужденъ потребовать отъ пани, можетъ быть, покажется унизительнымъ для нея?...

— Что-же это такое? — спросила немного встревоженная Михалина.

— Мы должны искать средствъ выпутаться изъ разорительнаго положенія, должны,—продолжалъ онъ съ возрастающей смѣлостью обезпечить судьбу пани и Стаси; это не обойдется безъ жертвы.

— Я готова.

— Надо измѣнить старый образъ жизни, отказаться отъ всякой роскоши, ввести большую экономію и порядокъ, избавиться, наконецъ, отъ всего ненужнаго и всѣ вещи обратить въ деньги.

— Панъ совершенно правъ!—воскликнула живо графиня, вставая съ мѣста.—У насъ есть семейныя драгоцѣнности, куча серебра; вѣдь мы принимать никого не будемъ; еще есть у насъ дорогія бездѣлицы лучшихъ временъ, статуи, картины; продай ихъ, прошу продай. Если это можетъ избавить насъ отъ кредиторовъ, я все отдамъ, даже до обручальнаго кольца.

— Но, можетъ быть, эта жертва будетъ дорого стоить, пани?

— Стоить! Мнѣ! Ты не знаешь меня, панъ! Лишеніе немногихъ воспоминаній и дѣтскихъ игрушекъ? Въ жизни по-

жертвовала я большимъ,—добавила она невольно,—теперь уже мнѣ ничего не жаль. Да, ничего! Я все отдамъ; пусть Альфредъ будетъ увѣренъ, — жертву эту я охотно и легко принесла.

Остапъ замолчалъ.

— Но долги, — сказала она, глядя на него пристально (онъ стоялъ неподвижно, какъ статуя, повидимому хладнокровный и задумчивый), — только меньшая половина нашихъ несчастій. Какъ быть съ бѣдной родней убитаго, которая преслѣдуетъ Альфреда?

— Въ этомъ случаѣ единственное спасеніе — время.

— Время! время!—сказала Михалина. — Всѣ вы выставляете время всеобщимъ лѣкарствомъ, а оно никого не вылѣчиваетъ.

— Можетъ быть, только не скоро и не всѣхъ,—отвѣчалъ Остапъ.

Они замолчали. Стася, ходя вокругъ Остапа, началъ къ нему приближаться и задѣвать его; мать смотрѣла съ чувствомъ на уловку ребенка, и видно было, что хотѣла узнать, какое онъ производитъ впечатлѣніе на Остапа. Но Остапъ стоялъ неподвижно, опустивъ глаза въ землю, и, казалось, не замѣчалъ ребенка.

— Стася! поди ко мнѣ, — шепнула мать, спустя минуту,—поди ко мнѣ.

Какъ-бы пробужденный этими словами, Остапъ горестно улыбнулся и отозвался:

— Онъ хочетъ со мною познакомиться и боится еще меня. Я такъ люблю дѣтей.

— Почему-же панъ не женится?—спросила его Михалина.

— Я женатъ,—тихо и безъ волненія отвѣчалъ Бондарчукъ.

Графиня, не умѣя скрыть своего волненія, содрогнулась. Видно было, что цѣлое зданіе грезъ ея рушилось отъ этого признанія. Собравшись съ силами, съ принужденною улыбкою и съ опущеннымъ взоромъ, она спросила далѣе:

— Какъ же мы до сихъ поръ не знали объ этомъ? Я даже не поздравила пана. Можно пана спросить, кто она?

— Жена моя,—сказалъ Остапъ,—такая же крестьянка, какъ и я.

Михалина схватила себя за голову и, вставъ, вдругъ вышла, извиняясь усталостью и головною болью!

Остапъ тоже вышелъ.

Михалина до этой минуты вѣрила въ привязанность, въ непоколебимую любовь этого человѣка, постоянно мечтала о счастливыхъ дняхъ прошедшаго; вѣра эта поддерживала ее въ жизни и была единственнымъ узломъ, который соединялъ ее съ потерянной, но дорогой для нея молодостью. Отъ этой-то вѣры она должна была теперь отказаться. Онъ женился, слѣдовательно полюбилъ другую; онъ не былъ такимъ, какимъ она себѣ его воображала: вѣрнымъ и молчаливымъ въ страданіи, необыкновеннымъ созданіемъ; нѣтъ,—онъ, какъ и всѣ: нынче любитъ, завтра забудетъ, да и вовсе не умѣетъ любить. Идеалъ Михалины исчезъ. Но чѣмъ дольше питаемъ мы въ себѣ какое-нибудь чувство, убѣжденіе, тѣмъ тяжелѣе послѣ съ нимъ разстаться. И долго человѣкъ противится даже дѣйствительности, борется съ правдой, любитъ жить мечтой. Нѣтъ у него силъ разстаться съ тѣмъ, что составляетъ какъ-бы часть его существа.

Роковое слово Остапа произвело страшную перемѣну во всѣхъ ея самыхъ дорогихъ мечтахъ. Пораженная, ослабѣвшая, она не имѣла смѣлости окончательно увѣриться въ сказанномъ, пускалась въ самыя удивительныя догадки и предположенія, и только не могла понять одной истинной причины женитьбы Остапа. Какой-то внутренній голосъ говорилъ ей, что онъ не могъ жениться по любви, потому что любитъ только ее. Но почему же безъ привязанности, такъ хладнокровно, умышленно, пожертвовалъ онъ собою, связалъ и продалъ себя? Это превышало ея понятіе: она предчувствовала въ этомъ какую-то тайну и дала себѣ слово разгадать ее. Ребенокъ, мужъ, удручающія ее несчастія и всѣ оскорбленія исчезли въ глазахъ ея. Только Остапъ, Остапъ женатый, Остапъ—мужъ другой женщины, стоялъ передъ ней, какъ непонятная загадка. Для чего онъ это сдѣлалъ? Кто такая была эта женщина? Правда ли это? Счастливъ ли онъ? Она задавала себѣ тысячу вопросовъ, и ни одного не могла разрѣшить. Сердце ея было полно страшнаго безпокойства. Усыпленная страсть сильно и необузданно вспыхнула. Отталкивая Стасю, она безпрерывно повторяла: «Слѣдовательно, онъ не любилъ меня! Жизнь моя потеряна».

Она нетерпѣливо хотѣла сблизиться съ нимъ, заглянуть въ глубину души его и полнѣе убѣдиться въ своемъ несчастіи или счастіи. Она провела безсонную и страшную ночь, и съ разсвѣтомъ вышла въ садъ освѣжиться. Войдя въ темную аллею и ничего не видя предъ собой, она начала по ней ходить скорыми шагами. Солнце еще едва показалось надъ рѣкой, разстилался туманъ, на деревьяхъ блестѣли листья, покрытые росой; вокругъ была глубокая тишина, какъ-будто ночь не сняла еще съ земли своего покрова. Платье графини цѣплялось за репейникъ, обрывалось на вѣткахъ; волосы разметались отъ скорой ходьбы, а по лицу катились горячія слезы, которыхъ она не чувствовала.

По странному случаю (въ повѣстяхъ это часто бываетъ, да и въ жизни не рѣдко), на концѣ сада, въ той же аллеѣ, усѣлся Остапъ на обвалившейся колодѣ. Страданіе и трудъ отняли у него послѣднія силы; и, пришедши, а лучше сказать, дотащившись сюда, онъ самъ не замѣтилъ, какъ заснулъ. Графиня такъ близко прошла отъ мѣста, на которомъ заснулъ Остапъ, что платье ея зацѣпилось за выставленную вѣтвь. Обернувшись, она увидала его и стала передъ нимъ неподвижная, вперивъ въ него тревожный, испытующій взоръ. Она какъ-бы спрашивала его: Скажи мнѣ, тотъ-ли ты, какимъ былъ прежде?

Лицо Остапа было угрюмо и блѣдно, глаза впали. Онъ страдалъ. По судорожнымъ его движеніямъ можно было угадать, что и во снѣ его преслѣдовали событія дѣйствительной жизни.

— Нѣтъ, нѣтъ,—воскликнула графиня, прижимая руки къ сердцу,—нѣтъ, онъ не перемѣнился; онъ страдаетъ изъ-за меня, онъ любитъ меня. Слова его, вѣроятно, ложь. Да, это ложь,—добавила она, обрадовавшись своей мысли,—нѣтъ, онъ хотѣлъ отолкнуть меня, потому что отгадалъ меня.

У Остапа на колѣняхъ лежала бумага: это было письмо къ Альфреду. Не останавливаясь передъ неприличіемъ своего поступка, графиня выхватила письмо изъ-подъ рукъ спящаго и, сконфуженная, убѣжала въ средину аллеи. Онъ не проснулся.

Отойдя нѣсколько шаговъ, Михалина стала читать письмо; сердце ея билось, въ глазахъ мелькали искры. Письмо начи-

налось разсказомъ о положеніи дѣлъ; затѣмъ, слѣдовали легкіе упреки за удивительную небрежность, съ которою Альфредъ велъ свои дѣла. Наконецъ, онъ писалъ:

„Дѣлаю, что могу, что долженъ; ты одинъ только знаешь, какое бремя взялъ я себѣ на плечи; невѣдомое для всѣхъ, оно меня такъ угнетаетъ, что я, право, не знаю, живу ли я, и выдержу ли. Но не дѣла составляютъ для меня бремя. Я убѣдился въ томъ, что предчувствовалъ, о чемъ догадывался въ послѣднемъ разговорѣ нашемъ. На что мнѣ предъ тобою скрываться? Я уважалъ любовь ея, какъ никто, посвятилъ жизнь свою чистымъ объ ней воспоминаніямъ и отрекся отъ свѣта, чтобы только жить мечтою. Ты немилосердо раскрылъ мои неизлѣчимыя раны, и кровь потекла.

„Бѣда тебѣ, Альфредъ! Ты не былъ ея достоинъ, потому что не могъ сдѣлать ее счастливою; вижу слезы ея, вижу грусть и чувствую, что эта душа желаетъ болѣе, чѣмъ ты ей дать можешь. Твоя вина. Ты не окружилъ ее такою заботою, любовью, попеченіемъ, уваженіемъ, которыхъ она заслуживала. Ты не вѣрилъ ей, ты недовольно работалъ для ея счастія. Теперь она одна, несчастна... и я возлѣ нея...

„Но не опасайся за свое сокровище. Ты выбралъ друга, достойнаго полной довѣренности. Я здѣсь слуга, я здѣсь Остапъ, твой крѣпостной. Отправляясь сюда, я между воспоминаніями моими и дѣйствительностью поставилъ новую желѣзную преграду: я женился. Ты не знаешь, ты никогда знать не будешь, что я для тебя сдѣлалъ!“

Михалина далѣе не читала. Двѣ мысли только звучали въ ушахъ и сердцѣ ея: онъ дѣйствительно женился, онъ женился умышленно. Она побѣжала къ спящему, бросила письмо къ ногамъ его и скрылась быстро за деревьями стараго сада.

Солнце поднялось уже высоко, когда Остапъ проснулся, болѣе утомленный, чѣмъ отдохнувшій, и увидѣлъ письмо у своихъ ногъ. Схвативъ его, онъ скорымъ шагомъ поспѣшилъ къ дворику, на которомъ жилъ.

Необыкновенный крикъ издалека обратилъ его вниманіе: онъ предчувствовалъ, что это должно быть какое-нибудь необыкновенное происшествіе. Онъ увидалъ, что толпа людей съ крикомъ и бранью бѣжала на господскій дворъ, и поспѣшилъ

туда же. Вся деревня была въ дикомъ и неистовомъ волненіи и требовала къ себѣ на расправу бывшаго управителя.

Остапъ прежде всего бросился къ Михалинѣ, которая отдала ему сына съ просьбою о спасеніи и упала безъ чувствъ. Препоручивъ ее заботамъ прислуги, Остапъ бросился къ бунтующей, грозной толпѣ. Послѣ долгихъ и неимовѣрныхъ усилій ему едва-едва удалось нѣсколько успокоить крестьянъ и уговорить разойтись по домамъ. Онъ долженъ былъ дать имъ слово, что употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы панъ Сусель не увернулся отъ суда и подвергся должному наказанію за тѣ угнетенія, которымъ онъ подвергалъ крестьянъ. Затѣмъ, Остапъ поспѣшилъ успокоить графиню, которая сидѣла, какъ окаменѣлая, въ страхѣ за Стася, за себя и за храбраго своего защитника.

Присутствіе духа ея возвратилось, когда она увидала, что народъ, успокоенный рѣчью Остапа, оставилъ намѣреніе взять мызу приступомъ и потихоньку отправился по дворамъ. Только взоромъ привѣтствовала она Остапа и подала ему руку, до которой онъ едва смѣлъ коснуться.

— Прикажи запрягать, панъ,—сказала она.—Я не могу тутъ оставаться, поѣду съ ребенкомъ къ себѣ.

— Не думаю, чтобы это было нужно,—сказалъ Остапъ,—потому что могу поручиться за спокойствіе людей; они любятъ пани.

— Они неблагодарные!—воскликнула Михалина.

— Нѣтъ, они любятъ пани, и помнятъ добро, которое она для нихъ дѣлала, чтобы усладить ихъ горькую долю. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что долгими несправедливостями и обидами ихъ довели до минутнаго отчаянія.

— Это дикіе звѣри.

— Въ минуту бѣшенства каждый дѣлается дикимъ звѣремъ. Не лучше ли простить имъ?

— Простить! Нѣтъ, это трудно.

Остапъ замолчалъ.

— Тебѣ нечего бояться,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—но если прикажешь...

— Выѣду, выѣду.

— Такъ я прикажу приготовить все къ отъѣзду.

Михалина посмотрѣла на него со слезами, проводила его взоромъ и ничего уже не сказала.

— Уѣду,—думала она про себя, боясь не за себя, а за него.- Онъ меньше страдать будетъ, ему будетъ легче безъ меня.

Бондарчукъ побѣжалъ за лошадьми и за управителемъ, который въ смертельномъ страхѣ скрывался на мызѣ подъ крышею. Надо было, для избѣжанія повода къ новымъ волненіямъ, выпроводить его изъ имѣнія и вмѣстѣ воспрепятствовать его бѣгству, потому что Бондарчукъ далъ слово предать его суду. Для этого Остапъ отправилъ его въ городъ подъ надзоромъ двухъ вѣрныхъ и сильныхъ служителей.

Графиня отправилась. Остапъ, для успокоенія ея, сопровождалъ ее пѣшкомъ.

Народъ, разойдясь со двора по деревнѣ, началъ потихоньку направлять шаги свои къ корчмѣ, гдѣ толпа совѣтовалась со старшими о томъ, что было сдѣлано и что должно было сдѣлать. У всѣхъ лица были пасмурны и, какъ всегда, послѣ большого усилія грустны. Одни на другихъ сваливали вину, дѣлали взаимные упреки, и всѣ сознавались, что чрезчуръ и неблагоразумно разсердились; надо было подумать, какъ спастись отъ послѣдствій. Старшіе обвиняли молодыхъ, молодые упрекали въ примѣрѣ старшихъ, даже слышны были колкія выраженія и брань.

Вдругъ дворовый мальчикъ вбѣжалъ въ это шумное сборище съ извѣстіемъ, что пани оставляетъ Скалу. При этой вѣсти на всѣхъ лицахъ выразилось сожалѣніе. Михалина была покровительницею убогихъ, больныхъ и никогда никого не отпускала безъ совѣта, утѣшенія и помощи. Отъѣздъ ея опечалилъ толпу, и всѣ въ одинъ голосъ рѣшились бѣжать навстрѣчу своей пани, чтобы умолять ее остаться съ ними.

Экипажъ былъ уже на половинѣ деревни, когда его встрѣтила толпа людей съ непокрытыми головами. Михалина, увидавъ народъ, вскрикнула, приказывая кучеру скорѣе ѣхать. Но исполнить ея приказаніе было невозможно: толпа окружила экипажъ, и нѣсколько стариковъ приблизились къ дверцамъ кареты.

— Чего вы отъ меня хотите? — воскликнула встревоженная графиня,—чѣмъ я передъ вами виновата?

— Пани,—сказалъ одинъ изъ близъ стоявшихъ мужиковъ,—что мы сдѣлали такое, за что ты хочешь бѣжать отъ насъ? Дѣды наши служили твоимъ дѣдамъ, дѣти наши будутъ вѣрны твоимъ дѣтямъ, почему-же вы съ гнѣвомъ покидаете насъ? Развѣ мы ваши непріятели?

Михалина не поняла даже этихъ словъ и въ страхѣ восклицала только:

— Пошелъ, пошелъ!

— Пани, милая пани! останься съ нами,—кричали всѣ,—клянемся тебѣ, что мы будемъ спокойны: это мошенникъ управитель довелъ насъ до отчаянія, но мы и сами знаемъ, что дурно поступили. Умоляемъ тебя, прости насъ и воротись.

Остапъ приблизился къ каретѣ.

— Что-же, пани, ты неумолима?—спросилъ онъ.

— Чего хотятъ они? Чтобы я осталась съ ними?—говоря это, она бросила вопрошающій взглядъ на Остапа.

— Дѣлай, пани, какъ тебѣ нравится, а я держу ихъ сторону, потому что они искренно просятъ.

— Но я боюсь ихъ, — тихо проговорила Михалина, прижимая къ себѣ ребенка.

Послѣ минутнаго размышленія, она медленно сказала:

— Я возвращусь, хотя-бы и не должна была этого дѣлать.

— Да,—думалъ, уходя, Остапъ,—она не должна была оставаться, а я не долженъ былъ просить ее объ этомъ. Но совершилось!

Экипажъ двигался назадъ на барскій дворъ. Обрадованная толпа подбрасывала шапки, крича:

— *Пошли Господи здоровья и многія лѣта нашей пани!* Это мать наша.

Занятый дѣлами, Остапъ избѣгалъ свиданія съ графиней; она тоже не искала его. Одинъ разъ въ два дня, даже въ четыре, встрѣчались они, разыгрывая очень искусно роль самыхъ равнодушныхъ людей: онъ—роль слуги, она—барыни. Нѣсколько разъ, впрочемъ, въ голосѣ и взглядѣ ихъ пробуждалось скрываемое съ обѣихъ сторонъ чувство. Иногда разговоръ переходилъ незамѣтно изъ обыкновеннаго въ дружескій и сердечный.

Михалина забывала свою роль и послѣ съ удивленіемъ и страхомъ возвращалась къ ней.

Дѣла понемногу разрѣшались, хотя и трудно было размотать клубокъ, спутанный рукою злыхъ и неразсудительныхъ людей. Сусель невидимо поджигалъ должниковъ, подсылалъ жидовъ, подговаривалъ чиновниковъ, упрашивалъ судейскихъ своихъ пріятелей и усердно работалъ надъ тѣмъ, чтобы сразить Остапа. Всякій другой, среди этихъ преслѣдованій, потерялъ-бы и голову и энергію; онъ выдержалъ.

Отъ продолжительнаго дурного и несправедливаго управленія въ имѣніи развились страшныя злоупотребленія: конторщики были соучастниками въ грабежѣ съ арендаторами, арендаторы съ купцами, купцы съ управляющимъ, управляющій съ должниками. Когда Сусель и его пріятели замѣтили, что Остапа не одолѣютъ ни угрозы, ни просьбы, когда всѣ полицейскія придирки онъ сумѣлъ торжественно уничтожить и противопоставить имъ вліяніе высшихъ чиновниковъ, ему знакомыхъ, тогда они смекнули, что надо было что-нибудь другое придумать и лучше всего покориться ему.

Уладивъ всѣ денежныя дѣла, онъ долженъ былъ еще возстановить репутацію Аляфреда во мнѣніи сосѣдей, подчиненныхъ и чиновныхъ людей, а главное, долженъ былъ, сколько можно, изгладить чувство ненависти, питаемое къ Альфреду семействомъ убитаго имъ юноши. Такъ прошло около полугода.

Альфредъ все рѣже и рѣже писалъ. Михалина, успокоенная насчетъ будущности ребенка, казалось, мучилась только изгнаніемъ мужа. Остапъ былъ пасмуренъ и чрезъ силу ходилъ.

Но что дѣлалось на Бондарчуковомъ хуторѣ?

Тамъ день и ночь Марина плакала, выжидала, теряла терпѣніе, ворожила и думала. Напрасно старались утѣшить, развлечь ее родители, родные и подруги, увѣряя, что мужъ ея воротится; она чувствовала, что ее бросили; рвалась за бѣглецомъ, но не знала, гдѣ его искать. Наконецъ, ей пришло на мысль, что Остапъ всего скорѣе могъ быть у своихъ родныхъ, въ родной его деревнѣ. Родные, которые пріѣзжали навѣщать его, указали ей дорогу, и она дала себѣ слово отыскать своего Остапа хоть на краю свѣта.

Старикъ Кузьма уступилъ безпрерывнымъ ея просьбамъ;

мать долго противилась, но, утомленная тоской дочери, должна была согласиться на путешествіе.

Марина отправилась съ отцомъ въ путь.

Старый всю дорогу молчалъ и вздыхалъ. Марина плакала. Наконецъ, они пріѣхали къ роднымъ Остапа, отъ которыхъ узнали, что онъ въ Скалѣ. Марина тотчасъ-же хотѣла туда отправиться; но родные упросили ее остаться ночевать, принявъ ее гостепріимно и радушно.

На другой день Остапъ сидѣлъ съ Михалиной на крыльцѣ, а маленькій Стася игралъ съ собачкой на ступенькахъ. Вдругъ крестьянскій возъ застучалъ на дворѣ. Марина быстро соскочила, подбѣжала къ мужу и обняла его съ бѣшеною радостью.

— Вотъ, я вижу тебя!—восклицала она, заливаясь страшнымъ смѣхомъ, въ которомъ слышны были слезы. Нашла наконецъ своего! Это я! Это я!

Она взглянула въ эту минуту случайно на Михалину, которая, блѣдная, какъ мраморъ, нагнулась къ ребенку.

Остапъ потерялъ присутствіе духа и едва не лишился чувствъ. Ничего не отвѣчая женѣ, онъ поклонился смущенной графинѣ, схватилъ Марину за руку и быстро увелъ за собой.

Судя по пасмурному его лицу и суровому молчанію, жена догадалась, что она явилась не во-время. Мѣсто радости заступили страхъ и печаль; она слѣдовала за мужемъ, какъ-бы приговоренная къ смерти; Остапъ тащилъ ее за собой. Они остановились на концѣ сада, у дверей его домика. Кузьма пришелъ тоже очень смущенный и, при видѣ Остапа, испугался. Они вошли въ избу.

— Вы дурно сдѣлали,—сказалъ Остапъ, даже не взглянувъ на Марину,—что пріѣхали сюда безъ моего позволенія. Говорилъ я вамъ—дожидайтесь меня; надо было потерпѣть.

— А что же дурного, если мы будемъ вмѣстѣ?—спросила Марина, ободренная его кротостью; развѣ я не жена твоя?

— Это правда, Марина, но о моей работѣ, о моихъ надобностяхъ, я позднѣе могъ бы объяснить вамъ. Ты здѣсь ненужна. Ты тутъ не кстати, и съ тобой не пойдетъ дѣло наладъ.

— Со мной? Это правда,—возразила она, обидѣвшись,—потому что та красивая пани очень поблѣднѣла, когда меня увидала.

Остапъ весь затрясся.

— Что ты сказала?—вскричалъ онъ.—Что у тебя въ головѣ, Марина?

— Что? что? То, что и у другихъ. Люди толкуютъ—я объ этомъ сама-то не догадалась.

— Люди! Люди глупы, люди подлы, а ты смѣешь повторять ихъ слова!

— Видишь-ли, Остапъ, если бы это была сказка, ты бы смѣялся и такъ бы не сердился.

— Ради Бога молчи,—повторилъ Остапъ.—Кто смѣетъ обвинять мою пани? Кто?

Марина обомлѣла отъ испуга; она лишилась бодрости, языка, опустила голову и молчала.

— Кто тебѣ сказалъ это?—спросилъ снова Остапъ.

Кузьма, почесывая въ головѣ, обратился къ зятю, видимо смущенный:

— Эхъ, милый зятюшка, оставьте все это въ покоѣ. Люди, все люди, имъ только лишь-бы болтать, имъ черная палка покажется змѣей, сухой листъ—жабою; только было бы двое—ужъ и пара. Плюнь и брось; обыкновенно—бабьи сплетни. Не сердитесь, я васъ прошу. Не желаете видѣть насъ здѣсь—мы, попросивъ прощенія и поцѣловавъ васъ, поѣдемъ и будемъ ждать васъ, гдѣ прикажете.

— Лучше было-бы,—сказалъ Остапъ,—чтобы вы и теперь не трогались съ мѣста, у меня не жена въ головѣ.

Марина, страдая отъ каждаго слова, то блѣднѣла, то краснѣла; гнѣвъ начиналъ подергивать ея дрожащія губы.

— Зачѣмъ-же ты бралъ меня? — спросила она его, послѣ минутнаго молчанія.—Чтобъ посмѣяться надъ несчастной. Нѣтъ, взялъ меня, такъ и живи со мной.

— Возвращусь и будемъ жить,—сказалъ грустно Остапъ.

— Нѣтъ, я останусь здѣсь, — отвѣчала рѣшительно Марина.—Развѣ я какая-нибудь дурная женщина, что ты стыдишься меня предъ людьми?

— Марина! Марина! Это не стыдъ.

— А развѣ я знаю, что это такое?

При этихъ словахъ она зарыдала и упала, заливаясь слезами. Кузьма пожималъ плечами, не зная, что дѣлать, помо-

гать-ли дочери, или просить зятя. Остапъ боролся съ собой, колебался и, наконецъ, собрался съ силами:

— Хочешь, — сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ, — такъ останься со мною.

— Ты позволишь,—спросила она, весело вставая,—позволишь? Ты не будешь меня стыдиться?

— Останься, но выслушай то, о чемъ я буду просить тебя.

— Приказывай, сдѣлаю все, лишь-бы остаться.

— Тебѣ трудно будетъ здѣсь жить. Цѣлый день ты будешь одна, я постоянно въ разъѣздахъ, никого при тебѣ не будетъ. Не лучше-ли было-бы ѣхать тебѣ къ моимъ роднымъ и быть у нихъ. Я-бы посѣщалъ тебя. Будешь близко.

— Близко, но не вмѣстѣ.

Остапъ отвернулся съ горестнымъ чувствомъ, голова у него трещала, онъ не зналъ, что дѣлать. За столько доказательствъ привязанности, онъ не могъ заплатить даже однимъ добрымъ словомъ! Хотѣлъ принудить себя, приблизиться къ ней, успокоить ее, приласкать, но при мысли, что все это будетъ ложь, содрогался. Между ними была огромная разница. Его воспитаніе, его жизнь, мысли, стояли такъ высоко отъ той земли, по которой шла бѣдная Марина! Они не могли понять другъ друга, а гдѣ нѣтъ симпатіи, тамъ нѣтъ и связи.

Кузьма вертѣлъ шапку въ рукахъ, желая искренно попросить за дочь, чтобы ей можно было остаться въ Скалѣ, но не собрался съ духомъ. Цѣлуя руку Остапа, онъ приблизился къ нему, посмотрѣлъ пристально и выразительно ему въ глаза и рукой показалъ на Марину, которая посматривала сквозь слезы то на отца, то на мужа.

— Старый мой, — скалъ тихо Бондарчукъ, — ты, можетъ быть, это легче поймешь. Я, вѣроятно, здѣсь недолго пробуду. Гдѣ-же мнѣ тутъ съ женою хозяйничать? Вотъ еще-бы нѣсколько недѣль, и я-бы къ вамъ воротился.

— Но ей скучно, — сказалъ шопотомъ старикъ.

— Но я прежде вамъ объ этомъ говорилъ, и вы согласились.

— Это правда, но сердцу нельзя приказывать.

— Пусть-же останется Марина,—сказалъ Остапъ,—я на это согласенъ; двѣ мили не Богъ знаетъ какое разстояніе, я буду о ней освѣдомляться.

— А для чего-же за двѣ мили?—проговорила Марина,—я и здѣсь никому не помѣшаю. Развѣ мнѣ много надо? Лишь-бы былъ уголокъ, краюшка хлѣба, да ковшикъ воды. Я буду сидѣть тихо, спокойно, а если прикажете, то никто и не увидитъ меня.

Онъ почувствовалъ вліяніе этой полной упрековъ просьбы, но не могъ или не хотѣлъ уступить.

— Милая Марина,—сказалъ онъ ей,—развѣ ты не сдѣлаешь для меня того, о чемъ я въ первый разъ прошу тебя?

— Вы,—горячо воскликнула Марина,—желаете многаго. Если хочешь, чтобы я не вѣрила тому, что говорятъ люди, то не отталкивай-же меня.

— Опять!—вскричалъ Останъ, вскочивъ,—опять то-же самое; не упоминай объ этомъ!

— Тсъ, тсъ,—шепнулъ испуганный Кузьма, толкая ее локтемъ,—оставь это въ покоѣ.

Марина снова расплакалась и усѣлась на полъ, заливаясь слезами. Кузьма посматривалъ то не нее, то на зятя. Останъ ходилъ взадъ и впередъ большими шагами.

— Пусть остается, пусть остается!—сказалъ онъ послѣ минутнаго размышленія,—пусть останется здѣсь, я позволяю. Вотъ изба твоя, Марина,—добавилъ онъ,—вотъ дворъ твой... Далѣе ни шагу.

Сказавъ это, онъ выбѣжалъ въ садъ, почти въ отчаяніи, какъ помѣшанный отъ страданія и горести. Онъ возвратился поздно ночью и принялся за работу, за которой застало его наступившее утро. Марина сидѣла, съежившись въ углу, дремлющая, но неспящая, съ взоромъ, устремленнымъ на него, испуганная и грустная; она напрасно ждала утѣшительнаго слова, взгляда. Наконецъ, дорога, которую она сдѣлала, самое страданіе—усыпили ее. Останъ бросилъ перо, заперъ самъ ставни, посадилъ слугу караулить ее и уѣхалъ.

Одолѣвъ первое грустное потрясеніе отъ встрѣчи съ Мариною, Михалина успокоилась, болѣе хладнокровно глядя на свое положеніе. Она только теперь поняла все величіе жертвы, принесенной Остапомъ, и онъ еще болѣе выросъ въ ея глазахъ.

— Не могу-ли и я что-нибудь сдѣлать для него?—спрашивала она сама себя и нашла отвѣтъ въ своемъ сердцѣ.

Она положила себѣ сблизиться съ Мариной и дружескимъ и сердечнымъ обращеніемъ съ ней—возвысить ее, образовать, сдѣлать ее достойною Остапа. Труднѣе всего было приступиться къ боязливой, почти дикой и еще болѣе убитой страданіемъ женщинѣ; потомъ уже легче было простыми словами успѣть убѣдить и склонить ее на откровенность.

Михалина поняла трудность своего предпріятія, но не отчаявалась. Зная, когда Остапа не было дома, она пошла къ ней въ первый разъ. Сердечными словами она тронула сердце этого бѣднаго, плачущаго крестьянскаго ребенка, такъ что Марина увидала въ ней не госпожу, а какъ-бы старшую сестру. Онѣ вмѣстѣ пошли въ садъ и незамѣтно взошли на барскій дворъ. Марина щебетала какъ пташка, исповѣдываясь во всемъ: въ мысляхъ, въ чувствахъ, даже разсказала ей о слухахъ, которые дошли до нея на дорогѣ. Михалина вспыхнула, вздохнула, ничего не отвѣчала, только грустно улыбнулась.

На другой день она опять пришла къ Маринѣ и замѣтила, что она шла съ ней свободнѣе, и охотнѣе; на третій день крестьянка ждала ее нетерпѣливо, а на четвертый—сама побѣжала на барскій дворъ.

Остапъ, постоянно занятый, едва только нѣсколькими словами, киваніемъ головы, взглядомъ, привѣтствовалъ и прощался съ женою. Марина только у Михалины находила утѣшеніе и развлеченіе.

Михалина поступила съ ней кротко, какъ съ ребенкомъ, направляя ея мысли на то, что для нея могло быть полезнымъ; она озаряла ея душу свѣтомъ знанія и искусства, обращаясь болѣе къ ея сердцу, нежели къ уму. Марина слушала ее какъ прежде Остапа, съ неподдѣльнымъ восторгомъ простой души. Цѣлые часы проводила она, задумчивая, оперши на руку прелестную свою головку, впиваясь взоромъ въ графиню, терпѣливая, любопытная, жаждущая отвѣтовъ на свои безконечные вопросы.

Остапъ, по пріѣздѣ жены, рѣдко видалъ Михалину и ничего не зналъ о сношеніяхъ съ нею Марины, потому что жена не смѣла сказать ему о нихъ, онъ и не разспрашивалъ ее, а графиня молчала съ намѣреніемъ. Такъ проходили дни и недѣли.

Прошло два мѣсяца послѣ пріѣзда Марины въ Скалу, когда въ ночь пріѣхалъ нарочный къ Остапу съ письмомъ изъ-за границы.

Остапа не было дома, его нашли на берегу рѣки, куда онъ ходилъ скрывать свое горе. Пробѣжавъ письмо, онъ вскрикнулъ, залился слезами и побѣжалъ, самъ не зная куда. Письмо это заключало извѣстіе о смерти Альфреда. Михалина дѣлалась вдовою. Духовная назначала Бондарчука опекуномъ ребенка.

Остапъ понялъ свое положеніе, горько вздохнулъ и тихо молвилъ:

— Да будетъ воля Твоя, Господи!

Письмо къ графинѣ, писанное на смертномъ одрѣ, прислано было также къ Остапу, для передачи ей.

День прошелъ у него въ размышленіи о томъ, какъ сказать графинѣ объ этомъ событіи; только вечеромъ онъ пошелъ на барскій дворъ. Тутъ, въ первый разъ, засталъ онъ жену свою сидящею у ногъ Михалины и слушащею со вниманіемъ ея разсказы. При видѣ этой картины сердце его забилось. Веселое лицо Михалины произвело на него грустное впечатлѣніе. Эта женщина не имѣла на свѣтѣ никого уже, кромѣ очень дальнихъ и совсѣмъ незнакомыхъ ей родныхъ; вокругъ нея находились только непріятели, жаждущіе воспользоваться состояніемъ, завидующіе каждой минутѣ ея спокойствія. Могъ-ли онъ покинуть ее въ такомъ положеніи? Наконецъ, онъ рѣшился войти и нарушить ихъ занятія; увидавъ его, Марина испугалась, вскрикнула и хотѣла бѣжать, но графиня удержала ее за руку съ торжествующей улыбкой.

— Конечно, ты не воспретишь женѣ свой,—сказала она,— проводить со мною нѣсколько часовъ въ день: я совершенно одна.

— Пани, могу-ли я этому противиться? Боюсь только, чтобы дитя это не употребило во зло твою доброту.

— Но я повторяю пану, что это для меня благодѣяніе; она такъ добра, кротка, мила.

— Между ей и пани такое разстояніе! — сказалъ тихо Остапъ.

— И ты тоже, панъ, понимаешь свѣтъ обыкновеннымъ образомъ? Мы далеки по воспитанію одна отъ другой, но обоюдно

можемъ быть полезны другъ другу. Есть истинныя чувства, всѣмъ доступныя, на которыхъ мы встрѣчаемся и хорошо понимаемъ другъ друга. Позволь, панъ, еще побранить тебя за такія слова. Мы, съ своимъ образованіемъ, далеко не достигаемъ того счастливаго состоянія, въ которомъ простые люди видятъ, чувствуютъ и предугадываютъ многое. Мы, съ нашими фальшивыми понятіями, лишились вѣры и врожденнаго инстинкта и бываемъ во многихъ случаяхъ похожи на слѣпыхъ, которые учатся различать краски ощупью.

— Сравненіе,—сказалъ Остапъ грустно, — слишкомъ широкое, и къ тому же французская пословица говоритъ: comparaison n'est pas raison.

— Я остаюсь при своемъ,—сказала Михалина.—Если это сравненіе не нравится пану, употреблю другое. Простые люди, что птички, издалека чуютъ нужную имъ травку, мы же ищемъ ее, но не чувствуемъ и не узнаемъ. Мы ученѣе, а они смышленѣе. Но довольно объ этомъ, ты, вѣрно, не захочешь уже отнять у меня добрую мою знакомку и пріятельницу.

— Ты, пани, право, ангелъ!—воскликнулъ Остапъ.

— Безъ крыльевъ, безъ бѣлой одежды... безъ счастія ангела,—тихо добавила Михалина.—Почему же не можемъ мы быть вмѣстѣ?—сказала она громче.

— Не умѣю отвѣтилъ на это; благодарю только отъ всего сердца; дѣлай пани, что хочешь. Но если я замѣчу слишкомъ большія жертвы съ твоей стороны, то убѣгу тогда; мы убѣжимъ съ нею вмѣстѣ. Не хочу быть въ тягость.

— Неблагодарный, недобрый другъ,—вставая и подавая ему руку, съ чувствомъ сказала Михалина.—Хорошо-ли такъ говорить?

Въ эту минуту сближенія чувства Остапа и Михалины были такъ явны, что Марина, глаза которой засверкали ревностью, вскочила съмѣста и готов а была разорвать соединенныя ихъ руки. Къ счастью, графиня отступила назадъ, уже съ болѣе хладнокровнымъ видомъ; Марина успокоилась, но все еще недовѣрчиво всматривалась въ нее.

— Ты, панъ, оставишь ее у меня?—сказала тихо Михалина, проближаясь къ крестьянкѣ.

Остапъ молчалъ: онъ вспомнилъ, зачѣмъ пришелъ, и не зналъ, какъ приготовить графиню къ страшной вѣсти.

— Я получилъ письмо отъ графа,—сказалъ онъ наконецъ, едва внятнымъ голосомъ.

— А ко мнѣ онъ не пишетъ?—спросила Михалина.

— Нѣтъ, одно только письмо и было, и то даже писано не его рукой.

— Что-же это значитъ?

— Графъ боленъ.

— Боленъ?—подхватила она съ видимымъ безпокойствомъ, хватая вебя за голову. — Очень боленъ? Прошу говорить мнѣ правду.

— Довольно серьезно боленъ.

— Можно мнѣ показать письмо?

— Я оставилъ его у себя, но послѣ принесу.

— Что-же съ нимъ? Что пишутъ?

— Не знаю, кажется въ родѣ горячки; лѣкарь, кажется, чего-то опасается.

— Опасается? Такъ мѣсто мое при немъ. Сейчасъ поѣду,— воскликнула Михалина,—прикажи мнѣ, панъ, приготовить все къ дорогѣ, сегодня-же, если можно.

— Самое важное приготовленіе состоитъ въ позволеніи къ выѣзду, а этого мы не имѣемъ.

— Но успѣемъ получить?

— Нѣтъ, это не легко и не скоро, хотя и буду стараться поспѣшить и уладить все.

— Добрый и единственный нашъ другъ, ты поймешь,— грустно воскликнула Михалина,—что мое мѣсто при немъ. Слабый, покинутый, одинокій, безъ меня, безъ нашего ребенка. Нѣтъ, я должна быть при немъ.

Остапъ молча поклонился и, не зная, что сказать болѣе, вышелъ.

На другой день утромъ Остапъ снова пошелъ къ графинѣ; скрывать долѣе смерть ея мужа было невозможно. Онъ сначала сказалъ ей, что получилъ новое увѣдомленіе о томъ, что болѣзнь графа усилилась и что онъ все приготовилъ къ ея отъѣзду.

На третій день Остапъ, вынужденный обстоятельствами,

рѣшился сказать ей все, но слова замирали на устахъ его.

— Что-же мой выѣздъ?—спросила живо Михалина, увидавъ его въ дверяхъ.

— Приготовилъ все, но мнѣ кажется...

— Что? Развѣ панъ воспротивился-бы этому?

— Я? Нѣтъ; но мнѣ кажется,—повторилъ онъ,—что болѣзнь графа такъ усилилась...

— Развѣ онъ такъ плохъ, опасенъ?—покажите мнѣ письма.

— Со мной ихъ нѣтъ.

Михалина посмотрѣла на него, почти какъ безумная.

— Такъ Альфредъ очень плохъ?

— Очень.

— Онъ умеръ?—вскрикнула онъ вдругъ.—Онъ умеръ? Скажи мнѣ правду?

— Умеръ,—тихимъ голосомъ отвѣчалъ Остапъ.

Михалина молча обернулась, ища глазами ребенка, схватила Стасю, прижала его къ себѣ, громко захохотала и упала безъ чувствъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней никто не видалъ ея, никто къ ней не подходилъ; запершись одна съ сыномъ, она молча цѣловала его. Однажды пришла къ ней Марина, начавъ по-крестьянски ласкать ее, цѣловать, утѣшать; она слегка оттолкнула ее, взоръ ея блисталъ гнѣвомъ и ужасною грустью.

Въ такомъ положеніи она провела нѣсколько дней. Молчаніе прерывалось только громкимъ плачемъ и смѣхомъ. Ночи она проводила въ безпамятствѣ. Она не могла видѣть Марину, которая, впрочемъ, скрытно всегда была при ней. Остапъ также не отходилъ отъ ея дверей.

Бѣдный Стася не въ состояніи былъ понять ни своего несчастія, ни страданія матери; онъ плакалъ, глядя на ея слезы, бросался къ ней, прося ее быть веселой.

Послѣ такого сильнаго припадка наступилъ совершенный упадокъ силъ. Лѣкарства не помогали.

Всего ужаснѣе были ночи. Въ бреду Михалина кричала:

— Что вы держите меня здѣсь? Пустите меня, я пойду и умру. Онъ возьметъ Стасю, онъ воспитаетъ его, я не нужна. Онъ замѣнитъ ему отца. Я знаю, онъ любитъ меня, какъ

прежде любилъ, для меня не покинетъ сироту. На что мнѣ жизнь? Онъ отрекся отъ свѣта, между мной и собой поставилъ женщину, онъ женатъ, онъ нарочно женился.

И потомъ начинала снова смѣяться тѣмъ ужаснымъ смѣхомъ, который леденилъ кровь въ жилахъ даже равнодушныхъ людей.

Марина изъ этихъ отрывистыхъ выраженій все узнала. Черные глаза ея наполнились слезами, лобъ нахмурился. Она молча поглядѣла на Остапа, ушла изъ спальни Михалины, заперлась въ своей комнатѣ, усѣлась на полъ, покрыла голову фартукомъ и горько плакала, придумывая, что съ собою дѣлать?

Остапъ не оставлялъ графини и не имѣлъ времени подумать о Маринѣ.

Стараго Кузьмы не было; никто не приходилъ утѣшить удрученную скорбью крестьянку.

— Пойду я на нашъ хуторъ,—подумала она,—буду ждать его, буду надѣяться, а если не дождусь, по крайней мѣрѣ, жизнь пройдетъ въ этой надеждѣ. Мнѣ надобно тамъ остаться! Лучше издали надѣяться, чѣмъ отчаяваться вблизи.

Хотѣла она вернуться домой, силъ у ней хватало; но жаль было снова покинуть Остапа. Она знала, что онъ не любилъ ее, понимала, для чего на ней женился, а все чего-то еще ждала, на что-то надѣялась.

Однажды рано утромъ она вышла изъ своей горенки, чтобы еще разъ проститься съ графиней, а потомъ уйти къ своимъ.

Къ графинѣ ее не допустили: у дверей спальни она увидала лежавшаго въ креслахъ Остапа, изнуреннаго, почти безъ сознанія, со сложенными на груди руками, съ поникшей головой, блѣднаго, какъ покойникъ. Остапъ не видалъ ее, хотя и смотрѣлъ на нее.

Глубокая тишина царствовала въ комнатѣ, пани спала уже съ полуночи. Сухими глазами взглянула на нихъ издали Марина и ушла.

Не возвращаясь уже болѣе въ свою горенку, она обернулась лицомъ къ солнцу, подумала, гдѣ должна находиться родимая ея деревня и родные ея, и одна одинешенька, безъ денегъ и проводника, смѣло, какъ птичка, пошла на свою родину.

Старый Кузьма чинилъ сошникъ у сохи, готовясь идти на работу; мать, охая, собиралась идти въ садъ, какъ вдругъ оба увидали въ воротахъ женщину, которую даже сначала и не узнали. Трудный путь, совершенный пѣшкомъ, тяжкая печаль, очень измѣнили хорошенькую Марину: загорѣлая, въ пыли, худая, въ запачканной рубашкѣ, она походила на нищую. Блѣдное лицо ея, съ отвислыми щеками, придавало еще болѣе страшное выраженіе взгляду ея черныхъ глазъ. Кузьма поднялъ голову, когда заскрипѣли ворота, и вскрикнулъ:

— Господи помилуй, кажись, это Марина?

— Это точно я, батюшка!—отвѣчала она тихо.

— Что съ тобою, дитя мое? Одна? Кто привезъ тебя? Не сдѣлалось-ли съ тобою какое несчастіе?—начали говорить отецъ и мать, спѣша подойти къ ней.

— Никто не привезъ меня,—пришла пѣшкомъ.

— Одна?

— Какъ видите.

— А Остапъ?

— Остапъ и не знаетъ, что я ушла,—молвила она со слезами.—Развѣ я нужна ему!

— Какъ, развѣ онъ бросилъ тебя?

— Нѣтъ, онъ и не смотрѣлъ никогда на меня. Пани его получила извѣстіе о смерти своего мужа и заболѣла. Онъ при ней день и ночь, а я была не нужна имъ и ушла. Вотъ не умерла и дотащилась до васъ.

Старый Кузьма и Акулина сидѣли у постели дочери, и хотя невозможно было защищать Остапа, но Кузьма все-таки старался извинить его, бралъ вину на себя, что позволилъ дочери ѣхать, наконецъ, увѣрялъ по-своему, что Остапъ воротится и все будетъ хорошо. Но Марина все молчала, ей немного легче стало, что она возвратилась къ своимъ, что видѣла снова любимыя свои мѣста, болѣе она ничего не смѣла желать.

Спустя нѣсколько дней усталость прошла, осталась молчаливая грусть. Сидя на порогѣ хаты, съ обращеннымъ къ воротамъ взоромъ, она смотрѣла на дорогу и, казалось, все чего-то ждала. Часто очень, опершись на ладонь, упорно смотрѣла она въ одну сторону; всякій шумъ, каждый шелестъ, всякій,

доходившій до нея издали голосъ, заставляли ее подымать глаза и волновали ея сердце, а когда родители допрашивали ее, чего такъ напрасно ждетъ она, тогда она отвѣчала:

— Ничего, такъ себѣ сижу.

Мать оставляла ее въ покоѣ и плакала тайкомъ. Отецъ боялся, чтобы дочь не сошла съ ума, и однажды, придя къ ней вечеркомъ, сказалъ ей:

— Послушай, Марина, или ты очень больна, или не вѣришь въ Бога?

— А что?

— Да не годится человѣку сидѣть такъ, сложа руки.

— А что-же я буду дѣлать?

— Что? Развѣ дѣлать-то нечего? Слава Богу, есть поле и работа. Что-же дѣлать, что грустно тебѣ, мой голубчикъ; вотъ я скажу тебѣ, что и я не разъ страдалъ въ жизни, а бывало, хотя и плачу, а иду на работу. Трудясь, человѣкъ какъ-бы все легче переноситъ, потому что и Господь трудъ любитъ. А сидя такъ и тоскуя и какъ-будто любуясь на свое горе, человѣкъ теряетъ здоровье и разумъ, и ничего изъ этого не выходитъ хорошаго.

Марина обратилась къ нему:

— Батюшка,—произнесла она тихо,—позвольте мнѣ такъ остаться; я, право, не могу ничего дѣлать.

— А все-таки попробовала-бы! Право, работа какъ лѣкарство, дитя мое.

— Мнѣ не надо лѣкарства, я не больна.

— Что тутъ говорить!—молвилъ Кузьма, качая головой.— Для тебя время прошло-бы лучше, скорѣе, а тамъ пани выздоровѣетъ и Остапъ воротится.

— Хоть-бы и воротился, онъ обо мнѣ не думаетъ.

— А для чего-же онъ женился?

— Батюшка, милый батюшка, хоть-бы я и сказала тебѣ, ты бы не понялъ меня и не повѣрилъ бы мнѣ. Я сама только чувствую, а не понимаю, какъ это сдѣлалось. Онъ женился, какъ-бы это сказать, для того, чтобы та пани, которая его давно любила, подумала, что онъ забылъ ее и оставила его въ покоѣ?

— Видно, онъ не любилъ ее? И то хорошо.

— Кто ихъ пойметъ! Батюшка родимый, онъ ее очень любилъ, но любилъ и мужа и не хотѣлъ ничѣмъ вредить ему. Что я для него?

— Брось, Марина, у тебя, Богъ знаетъ, какой-то вздоръ въ головѣ! Ни ладу, ни складу!

На другой день Марина пошла въ садъ, хотѣла работать, но не могла; она возвратилась снова къ избѣ и усѣлась на порогѣ.

Прошла осень, а объ Остапѣ и слуху не было. Марина, проводя дни и вечера, сидя на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ, вскакивала, прислушиваясь къ малѣйшему шелесту, плакала.

Однажды рано утромъ увидала она идущаго съ ребенкомъ на рукахъ Остапа: вскочила, покраснѣла, и, онѣмѣвъ, стала, какъ вкопанная.

Остапъ несъ Стасю-сиротку. Михалина не существовала. Увидѣвъ жену, онъ почувствовалъ сожалѣніе къ несчастной и, протягивая ей дрожащую руку, едва могъ выговорить:

— Видишь, я вернулся.

— И не покинешь уже насъ?

— Никогда!—грустно сказалъ Остапъ,—никогда; останусь съ вами.

Кузьма, Акулина, всѣ жители хутора сбѣжались и встрѣтили его радостными восклицаніями, провѣтствуя его, обнимая, забрасывая вопросами. Марина съ грустной улыбкой смотрѣла на всѣхъ, какъ-бы желая сказать имъ: видите, онъ воротился ко мнѣ, онъ меня помнитъ.

Этой радости не раздѣлялъ только тотъ, кто былъ ея виновникомъ.

Послѣ понесенной потери онъ чувствовалъ пустоту въ душѣ и потерялъ возможность найти утѣшеніе въ окружающемъ. Тамъ, позади, ему виднѣлся гробъ, здѣсь, въ кругу этихъ добрыхъ и простыхъ людей, онъ чувствовалъ себя неловко. Совѣсть говорила ему, что онъ нехорошо поступилъ съ ними. Ему оставалось загладить свой дурной поступокъ передъ Мариною и воспитать сироту, которому онъ обѣщалъ замѣнить отца. Съ болью въ сердцѣ долженъ былъ онъ продолжать свое земное поприще, не смѣя даже желать ни отдыха, ни спокойствія, ни смерти.

Пожалѣй его, читатель, и прости ему, какъ простила его добрая и кроткая Марина.

Для Стася — онъ былъ наставникомъ и отцомъ; для Марины—другомъ, мужемъ и простымъ крестьяниномъ, какъ она; для братіи своей — лѣкаремъ и совѣтникомъ, какъ и прежде. Онъ снова надѣлъ кафтанъ и началъ обѣгать села, а вечера и утро посвящалъ домашнимъ обязанностямъ.

Да, немногіе умѣютъ быть истино счастливы. Труденъ и скользокъ путь жизни.

ЛЬНА
НАУКОВО-УЧБОВА
БІБЛІОТЕКА.

V.N. Karazin Kharkiv National University
00620389 0